

№ 5 (931) МАРТ 1966

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

Ш мы просто не знали, что это такое — деловой день первого секретаря ЦК вожака комсомоли целой республики; республик, где сравнительно недавно вершиной механизации был, скажем, плуг, а теперь на красном створе национальной промышленности — девятисот отраслевых ответвлений. Хлопок, шевель, консервы, машины и такое количество электрической энергии на душу каждого жителя Таджикистана, которое может до глубины и сорпеть и осветить эту душу.

Кругом стройки: в Нуреке создают ГЭС на 2,7 миллиона киловатт, в Яване — электротехнический комбинат, в Рагаре — алюминиевый завод, а в Вахшской долине — азототуковый. И строят в основном молодежь, и в колхозах дошло молоко.

Записные книжки мы по-походному держим на коленях. Ритм нашей жизни участвует: мы то идем, то едем рядом с Розой Бобосаидовой.

Что такое первый секретарь? Полушутливое объяснение Розы: это секретарь, который в первую очередь занимается из первых рук узнает историю молодежной жизни, стремится стать для тысяч юноры и девушек первым человеком — не просто в силу занимаемой должности, а в полную силу своей индивидуальности, своего таланта вожака. Удастся ли это?

...Накинута на плечи светлое пальтишко, на голую цветастый платок. Решительно, быстро отцепляются по ступенькам каблуки высоких сапожков. Мы едва успеваем за Розой. Трудно с ходу привыкнуть к быстрой, легкой поступи ее крепких маленьких ног. Кажется, что пробился к свету родины, запечатанной черной печатью байскыи времен во всех ее прабаях, бабайк, может быть, во всех женщинах ее народа.

Мы идем по коридорам педагогического института имени Тараса Шевченко. Роза пришла сюда, чтобы увидеться со студентами, поговорить с ними о важных для республики делах. Студенты собираются быстро, охотно. Знакомство их давнее, прочное. Она знает по именам сидящих перед ней будущие аскавалей разумного, доброго, вечного в городах и кишлаках сорока четырех районов и одной области Таджикистана. Филолог, математики, естественники... Им известно, что перед ними сидит Роза — самая недавняя студентка, а затем аспирантка университета, математики.

Нить беседы быстро попадет в челнок. Роза сидит рядом ребята.

— Как хорошо, как приятно глядеть на вас! — улыбаясь, негромко говорит она. — Вы хорошо выглядите, у вас в руках книги, а эти девушки, как видно, принарядились для танцев.

Ребята улыбаются тоже, сыплют шуточками, у них благодушное, легкое настроение.

— Да, да! — говорит Роза. — Вы завтра-послезавтра уже учителя. Прекрасно! Вы знаете, как чтут у нас в народе учителя! Ведь и к инженеру, и к агроному, и к врачу в кишлаке обращаются не иначе, как с уважительным словом «акумулы», что значит учитель. Потому что грамотный, образованный, культурный человек вообще учитель жизни, разве не так? Институт не просто готовит учителя для школы, он готовит для кишлака интеллигента. Сохраняйте, накапливайте то, чему вас учат здесь!

Внезапно она встает. Ребята, притихнув, глядят на нее.

— Я была недавно в Шартузе, в колхозе «Искра». Зашла и в школу, к директору, вашему выпускнику. Ему 27 лет. Помню его в институте — брюки со складками-стрелками, модная стрижка, прямо денди! А теперь? Зарос шетиной, а сествейшей рубашке, в кабинете — грязь, хаос, несвеже на что. И в классах ученики невнимательные, невнятные, полн не метен. Этот человек сласовал перед трудностями. Он поддался обстановке.

Борьба ежедневная за каждую пядь нового быта — она ведь начинается с мелочей. Колхоз Бобайт в домах колхозников и коров и плоуд, у многих «волага» стоит во дворе, одевая ноуд, и чапоны из беканса, а уроки дети готовят, лемя на животе — нет стола. Это вам знакомо, правда? Это традиция таджикского кишлака, где люди долгое время вообще не знали книг, гра-

Все новости молодежной жизни — из первых рук.

мать. Учитель ломает эту традицию, кто же еще? Возьмем другое. За невесту в селе требуют, бывает, капын в сто рублей, да скот, да утварь, а здесь устраивают настоящие комсомольские свадьбы. Там нужно ваше амешательство. Борьба! Вас ждет Борьба!

Куда девался ее тихий голос, мягкие интонации, полузастенчивые, женственные давожения небольшого рта? Она говорила со страстью, от волнения млешая русские и таджикские слова:

— Ваша профессия — учитель, ваше звание — интеллигент. Вы должны подать руку врачу, агроному, инженеру и наступать сомкнутым строем на все, что делает быт села косным, тяжелым, иногда просто страшным. Я математик, но я не знаю, как исчислить школу, которую вы можете принести людям. А в этом ведь наше с вами назначение, вы согласны?

Отец и мать Розы — коммунисты. Вернее, отец был коммунистом. Он увер, его здоровье подорвала тяжелая работа, Борьба с басмачами. Мать поднимала одна шестерых. Роза — старшая.

«Какая польза от девочек? Отдай замуж, пока не заисиделась!» — советовали родственники вдове. Но мать оказалась «непрятничкой» женщиной: она послала Розу учиться. Родственники цокали языками от огорчения: у девушки тяга к мужским делам — к высшему счету, к походам, к гимнастике (да простит ее аллах!), говорят даже, что она сидит за столом среди мужчин на собраниях! Еще бы ей не сидеть! Бобосаидовую выбрали сначала членом комитета комсомола университета, позже — его секретарем. Она ездила на целину, она была пионеркомандой подшефной школы, участвовала в бытовых комиссиях, ездила в районы на слеты выпускниц школ, завала их в город — за образованием, рассказывала о себе, о своей жизни.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

5 (931) МАРТ 1966

Год издания
сод третий.
Выходит два
раза в месяц

— Да, но она не замужем, — шептали родственники. — Почет почетом, грамота грамотой, но где главное — семья?

Появился и семья. Роза вышла замуж за геолога Акбара, родила дочку. Возможно, родственники расценили и это как новый пропагандистский трюк, но влюбленным это было все равно. В жизни Розы и Акбара оказалось много общего. Оба много ездят, оба вечно в поиске, у обоих «заводной» характер. Если, допустим, едут отдыхать в горы, в Верхозбское ущелье, весной посылающей от маков, изумрудное от первой травы, и Акбар вздумает «оседлать» высокую скалу, Роза не уступит. Она непременно окажется рядом. Если в городе танцуют новый танец, Роза обязательно пойдет посмотреть, поучиться. Не захочет уступить в шуточном соревновании на «лучший плаван». Такой жизненный темперамент.

Обязанье. Является ли это качеством обязательным для человека, чей судьбой стала профессиональная комсомольская и партийная работа? Что-то не припомню, чтобы подобный вопрос когда-нибудь ставили на обсуждение. А зря. Комсомольский вояж, нам кажется, просто обязан быть обязательным. Он должен нравиться людям. Обязанье — это неповторимость, а вояж должен иметь индивидуальность, без этого он только бесплодный символ силы.

Роза обязательна. Ее обязанье — в умение заботиться и заживать людей большими идеями времени, в непотухающем интересе к человеку, к его конкретной личности, судьбе. Был интересный случай: Однажды в ЦК комсомола республике пришло письмо. На нем пометка: «Роза лично», Бобосаидова вскрыла конверт. Несколько отчаянных строк: «Так хочется учиться, а родители уже просят нас за сына дяди, куку моей мамки замыкается. Помогите мне, Роза! Я видела вас на митинге, вы так замечательно говорили о

том, какой просторной может стать судьба девушки».

Возможно, это дело мог бы уладить инструктор ЦК. Но Роза собралась в командировку сама и отправилась в дальний кишлак Пинджикского района — к Ханифе Гуломовой. Она подыала председателя совета девушек района Мирзиёвну, она заставила выехать в кишлак секретаря райкома комсомола Хасанова на это «немассовое мероприятие». И Ханифе открыла ворота своей судьбы. Сейчас она студентка филологического факультета Таджикского государственного университета. Некоторые говорят: несолидно. Все-таки первый секретарь ЦК, кандидат в члены Президиума ЦК компартии республики, депутат Верховного Совета СССР, и вот так из-за каждой девочки мотаться по кишлакам...

— Ничего! У меня ноги еще молодые — отлучается Роза, но за этой шуткой — стальной принцип пропагандиста, агитатора, который по опыту знает, что самое главное для него — сохранять живые связи с людьми, безусловно предпочитая их телефонным.

Все интересуется ее там, куда она приезжает, — в Нураке, в Вахше или на Памире: комсомольские сайты всеобща, клубы, спортивная работа, бит, задорные люди».

Она с волнением подходит к девушкам в комбинезонах механизаторов. В Восейском районе живет, например, одна такая замечательная женщина, Галхар Тиракова — двадцатисемилетняя героиня труда (прозвище Розы), секретарь комитета комсомола колхоза имени Ленина. Была в районе, Роза всегда заходит поговорить с ней о делах, о хлопках, о «пираровской» доставке — делах, которые Галхар обучила водить машины.

Водить машину, решать судьбу хлопка, решать собственную судьбу... А ведь начиналось с того, что с боем завоевывали право ходить по кишла-

Это так важно — уметь выслушать каждого...

ку в комбинезоне. Это не так уж давно считалось несмысленной дерзостью, поступком, который делал девушку изгоем — предметом издевательств, преследований. Таджикские кишлаки помнят еще «жуткие «ожившие» костры — саможгущиеся в отчаянии или в знак протеста женщины и девушки».

Сложный и вечный продолжателем во многом оставаться сложным жизненный уклад не переставая, не переиничируя сразу, одним рывком. Его формовали, пластовали десятилетия привычек, традиций. И приходится продвигаться вперед шаг за шагом, но неуклонно.

— Возможно, мы немножко ушли в сторону от многих наших нравственных проблем, — говорила нам Роза. — Увеличились хозяйственные. Но мы все время думаем о них...

Она недавно вернулась из Москвы, с VIII пленума ЦК ВЛКСМ. Но в Душанбе перебрала недолго, надо лететь на конференцию. Перед ее отъездом на аэродром было взято последнее интервью.

— Верно ли, что вы пишете книгу?

— Это не совсем верно, — ответила она. — Я собираюсь ее писать. Это будет книга о девушках Таджикистана. Я хотела бы назвать ее «Наша гордость». Но вы представляете, сколько нужно перебрать, чтобы создать настоящий сюжет для такой книги! Сейчас я не пишу, сейчас мы вместе с товарищами стараемся практически создать такой сюжет в жизни.

И она улетела в Голандию степь.

Проходя по коридорам ЦК, мимо ее кабинета, мы слышали, что телефон в ее кабинете звонил непрерывно...

Элла ЧЕРЕПАХОВА

Фото А. ЛЕХМУСА

Фазу АЛИЕВА

г. Баку

Я вижу

На окнах этого дома
Цвета мне не застыт свет.
Под окнами этого дома
Высоких деревьев нет.
Силой повернулись и ущемляю.
К горам обратившись лицом,
Меня слышали, как в колодезь,
Стоит мой родимый дом.
Он крышу подставил солнцу,
Как будто художнику холст.
Выности, как наши горы,
Как наши горы, прост.
Его ополотило громами,
И ветер его сотрассал.
Но ни один его камень
На дрогнул и не упал.
Лишь только на крыше дома
Тверже стала земля.
— С порога вот этого дома
Свой путь начинала я.
С кусочком воды родниковой
Мне мама глядела вослед,
И дом с добротой суровой
Мне тоже глядел вослед.
Его смуглая старость
И матери жалостный взгляд
Взяла я с собой в дорогу,
Как дорогу свою назад.
Дороги мои раздавались...
Но где б я ни шла,
Все равно
Везде и всегда мне казалось,
Что в это смотрю я окно.

Колося

Ты к колосу молочному
Нагнись
И приложи
Внимательное ухо.
И, если убо
У тебя на глазу,
Услышишь ты,
Как созревает жизнь.
Как деушишь в горах моих родных,
Они, колосья,
Тайно созревают
И от стеснения головы склоняют,
Едва-едва дотронешься до них.
Стоят на страже зерна
Острия,
Как острия ресниц
На стране она.
Целую своей жизнью —
Смертью только —
Нас к зернам допускают острия.
И как лицо невесты под платком,
Так и зерно
Под шелухую тонкую.
И стебель ядруг
Мне кажется отцом
Внезапно повзрослевшего ребенка.
Как хворья,
Как щедро
И как точно
Он колосу отдал зеленый цвет!
И вот он, колос,
В зрелости молочной,
В той зрелости,
В которой риска нет.
Но как у лета сроки коротки!
И стражи-соловьи светлеют.
И люди шелуху с зерна снимают,
Как женки
С невест своих платок.
Почет хлеба
Ухватится осень,
На золото зерна
Меняет медь.
А ты, глядишь,
И новое колосья
Вот-вот готовым песней програть...

Перевела Илона ЛИСИЯНСКАЯ

Тамара ЖИРМУНСКАЯ

г. Москва

Байдары

Понаткися во весь опор
наш автобус — большой кристалл —
мимо горых,
мимо гордых гор,
мимо старых,
на стальных спилях.
Это был не спокойный спуск,
всем откровенным выдан вид:
наш автобус, наш автобус
в горы ввинчивался, как вит.
Мы болелись — недоглядами,
провороним какой-то штрих.
Вон гора,
как «Восток-1»,
вон скала,
как спломанный штык,
вон утес,
как лагерный флаг...
Но
пошло
кругами

степлю,
раздвоилось солнце в глазах,
все сместилось и потекло.
И чего я ради являю,
что еще один поворот —
и ударит из-за угла
синева Байдарских ворот!
У меня же морская болезнь,
все постыло мне,
всё и все.
Вспору мне с автобуса слезы
и упасть на краю души.
— Ты, морская болезнь души,
обессмыслила крутизнай,
только ты меня не суми,
обойди меня стороной,
не кледи на меня клеима
бездарности на веслу!
Так и бушу носом клевать!
Рук упавших не поднимай!
Или выдержи крутизну
и приму, как солдат медаль,
с боем взлету тиницу,
смысь и смеветсь
монт Байдар!

Ты теперь — как выход,
я — как вход.
Заземленные ты,
в я витениа.
Все у нас теперь наоборот:
Два тонкая метрополитена.
Но не может быть, что все ушло,
Что-нибудь, наверное, осталось.
Но используй это мне во зло,
Человек, с которым я расстался.
Все, что я писал, изоран,
припнись недоделому позару,
все, что говорнил о любви,
отнеси к какому-нибудь жанру.
Все, что я дарил, в мусор брось,
но забудь пустяк, безделье, малость,
выпони последнюю из просьб,
человек, с которым я расстался,
потому что тамею уйти,
не остави ни вещей, ни строчек.
И ручей уходит из горсти,
забывая желтойкой песочек.
Голову, смотри, не расшиби,
но не прачь и под крыло, как страус.
Хорошо, но без меня жови,
человек, с которым я расстался.

Валентина ЛЕВЧЕНКО
г. Екалаторья

Березань

Им быть моею радостью,
Минута минут, годы ль,
Мою розной радостью,
Что я под небом Родины:
Ведь в них,
Прямых до гордости
И сдержанных
До святости,
В них столько
Русской твердости
И столько
Русской мягкости.

Наверно, святоши
Потушили взор,
Когда Яна Гуса
Вели на костер.
Наверно, оян
Сквернословили зло —
Толпушине в топку
Сергея Лазо.
Обычные строчки...
Обычные дни...
Пустой я не так проношу,
Как они.
Но если набату
Над миром гудеть,
Я так же за правду
Хочу умереть.

Однажды я спросила удаленно:
— Откуда зі
— Нашим.
— А где?
— В лесу.
И взрослые тихи улыбались,
Что я им не поверила тогда.
Теперь я точно знаю:
Это правда.
Я помню даже утреннее небо
И шедшую, что короткой струиной
Сквозь редкие травинки протекла...

Галина ГАМПЕР
г. Ленинград

Когда устанут чайки,
Они садятся на воду
И даются похолом
На белых домашних уток.

Когда устанут пароходы,
Они опускают шварь,
Им снится ночной город,
Как брошка
На синем плавье.

Когда устанут люди,
Они заводят будильник
На семь тридцать
Или на шесть тридцать.
Утром пьют черный кофе
И идут
уставать снова.

В предчувствии тупых ножей
К земле прижались дыни медные
Все лето не было дождей
И в кинотеатрах шли комедии.

Нелепые и несмешные,
Они мозолили глаза.
А тучи, как глухонемые,
Все что-то силились сказать,

Топтались и не уходили,
Глядели суто и в упор.
Но, слава богу, грянул ливень,
Как будто после долгих ссор.

Лариса ВАСИЛЬЕВА
г. Москва

Рядом, на обочине пути,
подорожник к свету потянулся.
Я сказала:
— Без оглядки уходи...
а сама ждала, чтоб оглянулся.
Точной стали четкие черты,
не вернешь,
не крикнешь,
не догонюшь...
И тогда вдруг показалось:
ты
от меня
лицом ко мне уходишь.

Сяди терем. Белая светлица.
Дыной лес у самого двора.
Ходит прирученная жар-птица,
только без волшебного пера.

Мне давно пора было из сказки,
замести песком сыпучий след,
помянуть цветастые салазки
на упругой вихрь-велосипед.

пропитаться дынным духом века,
на асфальте прорасти травой,
к голове чужого человека
теплой прислониться головой.

Рассвело. В соседнем доме,
попылкав, погас огонь.
Вся земля, как на ладони,
и глазу я на ладонь.

Вы хоть верьте, хоть не верьте,—
эти дымы не лгут:
нитка жизни с ниткой смерти,
перепутавшись, бегут.

Укажут, что пристало
мне отныне понимать:
то, чем я еще не стала,
то, чем я могла бы стать.

Эти тоненные сети
на лице моей руки —
все мужья мои и дети,
все друзья и все враги.

Кто прильнет, а кто отпрянет,
новый шаг и новый след.
С ними жизнь не сладкой праники,
а без них и жизни нет.

Не между правдою и ложью
и, озабоченная, шла,—
между пшеницею и рожью
тропа извилисто вела.

Шли моторами гудели
и заезжавшей рекой,
и серым пламенем горели
твоем глазе из-под руки.

Казалось, все мои тревоги,
что беспложны и жгли,
капавшим утдавали в ноги
и хлебом шли из-под земли.

Рисунки А. НИКОЛАЕВОЙ

ВЗНОСЯЩИХ СТИХОТВОР

ОБЫЧНЫ

— Здравствуйте, уважаемые пассажиры! Наш самолет следует учебным рейсом по маршруту Внуково — Домодедово. Рейс выполняет экипаж учебно-тренировочного отряда...

Фото С. ПЕТРУХИНА

В одной из кабин Внуковского аэровокзала, на двери которой висела табличка «Посторонним вход воспрещен», на меня посмотрели с недоумением.

— Где занимаетесь будущие стюардессы? Разумеется, в аудитории. Как ее найти? Пройдите на поле...

Аэродромная жизнь шла обычно. По трапу одного из «Илов» спустились девушки. Но... в руках на сумки, ни саквояжей. Только тетради и ручки. Да это же наверняка они, будущие стюардессы из учебно-тренировочного отряда. Очевидно, «ИЛ» и есть та аудитория, в которой они занимались.

Перемена между занятиями пять

минут. Беру интервью у преподавателя Владимира Алексеевича Кузнецова.

— Какие дисциплины изучают слушательницы курсов?

— За полтора месяца,— отвечает Кузнецов,— девушки приобретают навыки по организации питания, медицинскому обслуживанию пассажиров, изучают материальную часть самолета, географию воздушных сообщений и правила воздушных перевозок, аварийно-спасательные средства. Но надо сказать, что «вымучается» на хозяйку пассажирского салона самолета за полтора месяца довольно сложно.

Разрабатывается новый учебный план, рассчитанный на три

месяца. Больше времени будет отведено практическим занятиям по календарии, медицинской подготовке, обслуживанию пассажиров.

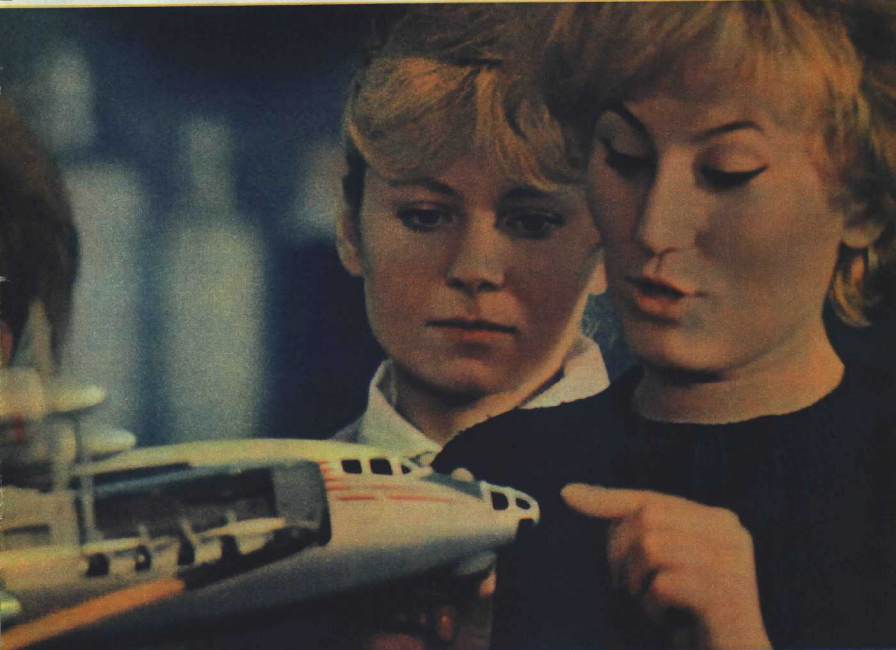
И, конечно, стюардессе потребуются не только предсмотренные программой знания. Уметь простоять завтрак не самое трудное. Бывает, от стюардессы зависит жизнь нескольких десятков пассажиров, и спасти их может только ее умение мгновенно оценить обстановку, проявить мужество, самообладание.

...Через несколько дней девушки получат дипломы бортировщиц, и, если знает, может, с теми, кого вы видите сейчас на снимках, полетите в Хабаровск или Владивосток, в Магадан или Симферополь.

М РЕЙСОМ

На снимках:

Настоящая хозяйка должна отлично знать каждый уголок своего гостеприимного дома.

Идет экзамен...

Магнитофонные записи помогут будущим борпроводницам международных линий освоить иностранный язык.

летали мы из Мурманска рановато утром. А дело было в январе, и уж люди разберут, когда оно начинается, это утро, в

зимнем Заполярье.

В общем, случилось то, что должно было случиться. Элементарно, без всяких драматических эффектов, мы проспали. Рейсовый автобус на аэродром ушел без нас. Вспыхнул надеваем полушубки и унты, высканиваем на улицу. Таммень непроглядная. Метель метет — меть за стенку держис!

Но мы, должно быть, родились в рубашке. Что-то, а зеленый огонек тамси угладели.

ТО ВА ВАН ШИЛ И МАШЯ

Вл. ПАВЛОВ

В жаруности Бориса нет ничего броского. Разве что улыбка, делящая подбородок надвое. Все остальное неприметно: тонкий, невысокий, круглолицый в клетке на затылке. Снять португале, которая наискосок перекашивает кургузый штатский пиджачок, и предстанет перед тобой самый обыкновенный хлопец, каких по городам и весям тысячью...

Таких, как на этой фотографии, я вижу Бориса Калача в лесу под Ковелем. Он командир подпольного завода одного из отрядов партизанского соединения. Наша дневенная группа идет вместе с этим отрядом. Задача — оседлать железнодорожную линию Ковель — Сарны, закрыть ее для вражеских зенитов. Немногим более десяти дней прошло с того часа, как мы миновали железнодорожное здание погранзаставы, пересекли безымянную речку на старом польско-советском рубеже и углубились в западные области Украины.

Мы идем неизвестным лесом. Проселок с трудом пробивается сквозь чащу. Глухо погромыхивают о корни смязанные дегтем и обмотанные тряпками колеса фуражков. Вдоль колонны проносится ветерок. Изредка слышны сбавочные свисты. Перекашиваются от головы к хвосту негритские слова команды...

Вперед ширит разведка. Изредка слышатся выстрелы. Кто там? Немцы? Полиция? Бульбаши-оружие?..

Я иду рядом с Борисом Калачом, искоса поглядывая на него. Кавказец или же железец, этот конвоисменный «Илья-Пророк», как у нас в шутку называли подпольника? Что с того, что он, как я слышал, был партизан и участвовал во многих боях? Когда рядом дымяне товарищи, — одно, «на железец» — другое. В крошечной темноте, на ощупь, они делают подпольники свою тонкую, быструю работу. Работу, за которой пустыня глазами следят сразу две полюбившие: одна — от вражеской пумы, другая — от минь...

И ежели не смелешь ты в этот момент унять дрожь в сердце, забыть обо всем: о доме, о матери, о любимой, о своей войне, — идет тебя неминуемая смерть.

Но Калач симпатичен. Даже при первом беглом знакомстве. Может,

там, что не передается его напряженно, которое царит в колонне, и, что сразу видно, не действуют на него выстрелы, которые гремят вперед. Может, тем, что у него открытая, доброжелательная улыбка. Или тем, что он с готовностью делится последними сухарями, горьким от тола, и даже последней цигарочкой табака.

Мы поплотом сжигаем сухарь и закуриваем одну закуртку на двоих. — Ты кому до войны-то был? — спрашиваю я Калача.

— До войны-то? А никак... Работал инструментальником в Черниговской МТС. Мечтал в пединститут поступить.

— «На железец» четыре раза? По Гомелю... Малагова, конечно... Борис, вздыхает: — Ничего, наверх... Мы оставились лагерем в лесу, возле небольшой четырехугольной поляны, на которой стоил когда-то лесника. О том, что здесь было село фундамента, роспись кирпичных обломков и несколько одиночных ашиш и збилов, и которых, из лесу уже таятся морозные дышцы осен и елей.

Место хорошее: дорога, по которой мы пришли, просматривается далеко, ее можно держать под ногою. К тому же здесь гораздо меньше комаров.

Не успеваем расположиться — Борис принимается готовить минь. Я подождала и немчу.

— Завтра я до дому? — Почему завтра? Чувшь шумит По правой от нашего лагеря до железной дороги километров шесть-семь, не больше. Если прислушаться, действительно слышно, как идет поезда.

— Но ведь устаню... Сорю с гаком отпаляю.

— Ну и что ж, что отпаляю! Сегодня и динямо. Пусть только хлопцы трошки передохнут. И впрямь ранним утром следующего дня по лесу прокатывается глухой гром взрыва. А к вечеру из стороны появляется Калач, а за ним его хлопцы... Даже если бы не слышали взрыва, — трудно догадаться, что диняра удальна. Хлопцы, несмотря на явные признаки усталости: на покрасневшие от беснующейся жары лица, на биньющиеся под тяжесть животи ремни, — смотрят орлами, перебарываются нетерпеливыми шутками, от них

Партизан
Борис
Калач

танет хлещим духом самогонки, вылитой по случаю удачи... Они стоят, выстроившись в нетерпимый ряд, искоса поглядывая на наших партизанских двачет, которые по обычаю пришли встречать диверсантов и ждут, пока командир доложит начальству...

Долгая Калача, тчетно старожеего спрятать радостную улыбку, предельно кратко: — Один взорвали да еще два зидельно? Воткнули...

— Ну-ка, расскажи, как все было? Борис ограничивается одной фразой:

— Снуили, поглядая, как оно. И до дому!..

Я завел себе толстую бухгалтерскую книгу, которую мы добыли, и начал писать историю нашей группы во Владимире. В этой книге я веду учет поставленным лимам и результатам их взрыва. На первой странице вычеркана схема нашего участка железной дороги от Черторийского до Ковеля. На ней крестиками отмечены места установки минь. Те из них, которые обведены кружком, взорвались под немскими зенитонами. Остальные ждут своего часа...

Больше всего крестиков помечено буквой «К». Это означает, что минь поставил Борис Калач со своей группой.

Его имя известно начальнику СД Ковеля и Сары, не говоря уж об окрестных гестаповцах, полиции и бульбоских куривных атаманна и сотниках. Его голова цветаста немцами мадел земли, соль, спички, воздух... А Калач? «Снуили, поглядая, как оно... И до дому!»

Глубокой осенью сорю третьего года мне довелось самому увидеть, что это таково — диняра Бориса Калача. Мы вышли на взорвон в район Рафаловки, на самый край леса, который обрывается здесь стеной стволов и уступает место полю.

Лес стоит голым и прозрачным. Даже в кустках по опущам, в которых лютон, много было бы труда упрятать трупу, теперь не скрывается и одному человеку.

Мы идем ночью (диняра сорю обмаривает), месим густую, как старьяный клей, грязь на тропе. Пробираемся болотом, цараяя трупу, и иногда и лицо к жестиному сосну. Ночь холода, но не зги видеть, и небо не потеряется, мы двигаемся густь...

В Прогнозопределе имени замедленного действия (МЗД) партизаны лесного называли «земельниками».

ком, все время ощущая рукой переднего. Моросит мелкий дождь. В верхних деревьях — не то что летом — не шумит, а пронзительно свистит холодный ветер.

Вару Борис, который идет вперед, рядом с проводником, останавливается. Тянет гарью и серой — запаха полота желваки...

— Подождем! — чуть слышно шепчет Борис. — Пройдет пугаль, тогда...

Идем, неподвижно растнувшись на мокрой земле. Сырая ожедка липнет к телу ледяным пластером. Еще сдерживаешь збыу, что не выбиваешь пробь... Нельзя курить, курить, слы, разговаривать, кашлять. Даже дышать громко нельзя. Немцы уже не те, что были летом, когда мы только появились в этих местах. Они добросовестно изучили наши привычки, придумали хитроумные способы борьбы с диверсионными группами. И при выходе к линии и во время установок минь требуется предельная осторожность. Не исключено, что динябу будем совсем рядом с нами пританься вражеская засада. Или кучуцучицы, — автоматич на верхние соседнего дерева. Или в том самом месте, где мы собираемся ставить минь, — где не засеченный немцами взрывной емь, — готовый хлещуть огнем в упор...

Наконец по линии проходит патруль. Немцы идут, громко переговариваясь между собой. Мы кучуцучицы, — автоматич на верхние соседнего дерева. Или в том самом месте, где мы собираемся ставить минь, — где не засеченный немцами взрывной емь, — готовый хлещуть огнем в упор...

— Пошли! — шепчет Калач, как трещит от него чистый пугаль. Люди распределены заранее и сейчас, ни о чем не спрашивая, расходят по местам. Мы с Борисом и нашими товарищи — да... Миши, Глазок и Кобякин — идяя мимо. Борис чуть левее, я поправя. Сейчас мы поставим каждый по минь...

Неподвижно от меня кто-то сплываеет. Слышится всплеск воды и приглушенное ругательство. И сейчас же справа в воздух взлетает ракетка, распарывая туману, делает видимыми лес, рельсы и всех нас. У нас слыта первая выстрелы. Бегуте вспыхивают выстрелы. Смятятся шкелютят транскурирующие пум, сую кахлуют минометы. На головы сыплются ливы и куски коры...

Отход! Мы отбегиваем в лес и останавливаемся. Калач делает перекурку. Мы нацпо.

— Ну, а что дальше? — негромко спрашивает Борис. — Так и уйдём не солоно хлебавши? — Может, поищем другое место? — У меня есть предложение: продолжать работу в поле. Под самой Рафаловкой. Там нас никакой черт не ждет!

Я подношу и разговеза свяжиского цыфрарбит своего профессора Илья. Полночь. До рассвета еще не меньше семи часов.

— Успеем, — говорит Калач, улыбаясь. — По крайней мере, в один конец...

С минутой я колеблюсь. Лес — партизанская крепость. За стаями стволов нам не страшны ни пули, ни поезда. Но если приехать в поле, — ка-на... С другой стороны, и впрямь, кому из немцев придет в голову, что мы собираемся поставить минь в поле...

— Ну так как? — торопит Калач. — Идем!

— Наш проводник по имени Осей вдруг говорит, что дороги к Рафаловке он не знает.

лаборатория кровоного машиноведения

И. ВАРШАВСКИЙ

САШКА

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

шнбираться свойственно только человеку,— сказал Конструктор.

— Удивительно свежий афоризм,— усмеянулся Космонавт,— вы бы лучше его преподнесли по-латыни. Это как-то больше впечатляет неискушенных слушателей.

— Глупости! — Лицо Конструктора покрылось красными пятнами — верный признак того, что он готов ринуться в бой. — Я вовсе не о том. Просто ошибки появляются всегда там, где отсутствует жесткая программа. То, что мы делаем по вольной инициативе, всегда точно и безошибочно, потому что нас запрограммировала мать-природа. Ошибки неизбежны, когда на жесткую программу накладывается чувство или разум. Исправно действующая машина с хорошо продуманной программой не знает ошибок.

— Однако я помню случаи... — сказал Космонавт.

Рисунок В. АРОНИНА

— Да, да,— поддержал его я.— Может быть, вы объясните нам, как это получилось?

— Вы имеете в виду конкурс «Метеороид»?

— Конечно.

Конструктор замаялся. Кажется, его наступательный порыв иссяк.

— Ну, это, видите ли, исключение, которое только подтверждает правило,— влол заметил он.

— Дудей! — сказал Космонавт.— Наэт зря так просто вы от нас не отделяете, даже если так пришлось пересортировать все творения от Цицерона до наших дней. Мне уже много лет интригует эта история. Ведь я как-никак был там главным действующим лицом.

— Вы думаете? В голосе Конструктора была странная смесь грустности и злости.

— Еще бы! — запальчиво ответил Космонавт.— Представьте себе, что вы три года готовитесь к экспедиции, подбираете команду, роетесь в архивах, проводите самые изощренные тренировки в условиях, больше всего напоминающих настоящие бред, забуреваете целые тома справочников, и вдруг — о счастье! — все уже позади. Экипаж на своих местах, все режиссер произнесено, все пожелания и советы выслушаны, и вас связывает с Землей только голос в динамике, отсылающий секунды. И вот, наконец, вы в полете.

Вначале обычный сумбур, когда кажется, что снарядные аппараты не набирают скорость, экипаж никогда не научится понимать, чего вы от них хотите, а навигационное оборудование выходит специально для того, чтобы всплывать в вас сомнения в реальности существования окружающего мира. И вдруг все чудесным образом становится на свои места. Ваши спутники оказываются миллионы ребятишек, а корабли, оставшиеся самой совершенной техникой, — пожелав странство с легкостью, о которой вы и думать не смели. Теперь представьте себе, что именно в этот момент вы получаете с Земли категоричный приказ вернуться назад. Три недели, пока вы гасите скорость, вновь ее набираете, снова гасите, вы терпаете в догадках, шлете запросы, успокаиваете команду, воплываете сами так, что кусок не лезет в горло, и, наконец, все на космодроме, выслушав доклад, объявляют: «После выяснения: произошла, мол, ошибка. До сих пор не могу спокойно вспомнить смущенные рожи диспетчеров из Управления по космонавтике».

— Управлению? — спросил Космонавт.— Ошибка, по-видимому, произошла в Координационном центре.

— Да, так произошла ошибка,— задумчиво сказал Конструктор.

— Почему же тогда вы,— спросил Космонавт,— подписали акт о том, что виновно всему бортовая аппаратура? Генеральные конструкторы редко проявляют такую самозащитную заботу о чести мудра вычислителя.

— Ну,— у меня для этого были кое-какие основания.

— Ладно,— сказал Космонавт,— выкладывайте все minutу. Ведь с того времени прошло больше двадцати лет. Не так уж давно остались люди, которые помнят эту историю.

— Тем более что вы вполне можете рассчитывать на нашу скромность,— добавил я.

— Двадцать лет! — переспросил Конструктор.— Навряд ли двадцать лет! Кажется, что все это было совсем недавно. Двадцать лет! Ну, хорошо... Вы помните громадую организацию подготовки полетов в то время! Она приводила к тому, что Генеральный конструктор, помимо своей основной работы, должен был отвечать еще на кучку вопросов, начиная с обеспечения жизнедеятельности биологического комплекса корабля и кончая вычислительной техникой. Больше всего надоело мне делиться с бортовой аппаратурой. Обеспечение безопасности дальних рейсов упиралось в отсутствие достаточно компактных и надежных реляционных устройств. Чем дальше летали наши корабли, тем жестче становилась нагрузка, и весам и габаритам всего, что они на себе несли.

В конце концов дело дошло до того, что я был вынужден объявить открытый конкурс на бортовую вычислительную систему. Мы получили больше трехсот проектов, но все это было не то, что требовалось.

Однажды, сидя в кабинете, я услышал громкую перебранку в приемной. Спустила несколько минут — кабинет вошла моя секретарша. Шеки ее пылали, губы высветлели, глаза дрыгали, и, словом, классический персонаж греческой трагедии. Она плюхнулась на стул и, закрыв глаза, пробормотала:

— С вами требует свидания какой-то... какой-то... какой-то существо.

Двадцать лет, в течение которых столько нечто как-то трудно поддавалось классификации.

Это существо было облачено в вышитые джинсы, прожженные во многих местах до дыр, в рубашку, набитую ватой, в шапку, вышитую, и лицо замолоченный кироз, из-под которого свисали до глаз рыжие космы. Все это дополнялось лютым носком, устремленным в небо, и в руках — парад стальной, глянцевой шарнирной оторочкой плазета морской авиации, дребезжащий шпорец. Пальцы с черной каймой под ногтями судорожно сжимали большой чмодаон из желтой кожи.

— Ну, да, ах, ах, это этакимля укралаша собой нашу планету уже не менее четырнадцати лет.

Я понял, что мне несдобровать.

— Еще бы! — сказал Космонавт.— Каждый раз перед стартом и кивалую из самых зурочных уголков корабля на меньше десятке таких парничков. В пять лет они мастерят аккумуляторы из консервных банок, в восемь изобретают равнелинейный велосипед, в четырнадцать становятся редакторами, а в шестнадцать наводят редакция журналов проектами перестройки нашей Галактики. Дело в том, что мальчишка всегда...

— Вы ошибаетесь,— перебил Конструктор.— То есть, я думаю, вы были бы правы, если бы видели, что это был не совсем обычный случай... дело в том, что сзади из-под куртуза еще торчали в разные стороны две тонкие косички.

— Ну, да,— сказал Космонавт.— Она уехала в явросло,— продолжал Конструктор,— и несидовательно довела до моего сведения, что зисует ее Сааш, что все само дальнейшую жизнь она намерена посвятить обеспечению космических полетов самой совершенной и самой надежной вычислительной техникой. В подтверждение обоснованности принятого решения из таинственного чмодаон был извлечен какой-то гибрид японской барби и карманной прыгунки, и я получил право задать «мешине», как она выразилась, самую-самую трудную задачу. Я заинтересовался, в каком классе утисит конструктор, и решил задать ей самую трудную задачу на определение экстремальных значений функции. К моему удивлению, «гармошка» выдала правильный результат.

— Ну, да,— сказал Космонавт.— Как подивитесь спродать это юное дарование.

Для начала я извлек из ящика стола коробку конфет. Она бросила на меня одобрительный взгляд и плюхнула птерацию в коробку.

— Я хочу задать вам вопрос,— по воспитанию детей, но лекция, которую я ей прочел, казалась мне тогда шедевром педагогик. Больше часа я ей атковывал, что каждый, кто желает стать конструктором, должен освоить термин и стараться получить как можно больше знаний, что только в школе... впрочем, вы сами знаете, какие сенсации приподносили в подобной ситуации. Я уже торжествовал победу, когда она, перебив меня, поинтересовалась, считая ли я большое терпение и обширные знания обязательными для Генерального конструктора. Я подтвердил, что чтобы проводить ее до двора, но она не проваляла никаких требований, стала ни с красном, ни с конкрети. Мне не оставалось ничего другого, как снова сесть. Убедившись, что генеральные конструкторы действительно обладают большими терпением, я приступил к проверке моих знаний. Выкла ее «машини» была выдвинута из розетки, и мне пришлось объяснить, почему на клеммах равнопотенциальной системы не должно быть напряжения, что схема, вероятно, дублирована на конденсаторах и что, хотя это очевидно старый способ, применявшийся ранее в первичных радиопередатчиках, и у нас в библиотеке зайти по тому вопросу много книг.

— Не найду! — вызволяю ответила она, рось в своем чмодаоне.— Ничего у я вас не найду, потому что я не пришла не читать, а оидать терпеть. Вот полюбуйтесь я, Генеральный конструктор! — На мой стол плюхнулись две картонные коробки с деревянными клавишами.— Видите?

Она открыла одну из коробок, и моему утру представлялся желтоватая студенческая масса, вся утыканная проводами.

Ряжий батончик продолжал высовываться из чмодаонной прыгунки, студентка — анкетоскоп, круг радиодеталей и клочки бумаги, исписанные формулами.

— Живые, живые! Все они потомство од-

ной машины... Потомство! Помните, что такое потомство? Они могут решать все задачи, на которые не способен человек, но они не способны ни того, как провалить их на свет. Ну, что, слыш? Как тепера: будте меня снова посылать в школу или дадите лабораторию?

В этот раз у меня в отраженном лице сияли ретарши, но я жестом дал ей понять, что она может вызвать помощь рановато. Честное слово, меня все это начинало интересовать.

Я до сих пор не понимаю, как моего чмодаон не златил удар, когда поздне вечером мы вместе прошли через приемную. К тому времени у нас уже был заключен дружественный союз. На прошение она небрежно поправила на мне галстук и, выходя из приемной, сказала, что она — это Саушка, а я обещал ей выдвигать лабораторный стол и даже подарил ее за косички. Правильно, ни один мужчина в возрасте от пяти до восьмидесяти лет не смог бы преодолеть такие трудности.

Условия нашего договора были точны и суровы: если в течение года ей удастся соорудить какую-нибудь паранитку, способную решать задачу о пропорциональном сближении ракеты в космосе, я обязуюсь оборудовать ей лабораторию и предоставлять все условия для дальнейшей работы. Если нет, то она возвращается в школу — или в институт, если она уже окончила институт. На первое время я прикрепил к ней опытного программиста.

— Да,— сказал Космонавт,— задача на пропорциональное сближение... Вот-таки царь Иорда больше гуманно относился к детям.

— Ему приходилось иметь дело с мальчишками,— ответил Конструктор, — они всегда заслуживают снисхождения. Им не могу поступить иначе, затаив от него астринимент с человеческого духом. Нужно было дать ей отведать все горькое того, что восторженные профаны называют градостью научного поиска. В результате она либо убедилась в своей правоте, либо в том, что она не так уж была более разумно применение своего опыта в менее экзотической области, либо... Впрочем, другого исхода я не видел. Слишком фантастичным было ее предложение.

— Вы так и не сказали, в чем оно заключалось,— заметил Космонавт.

— Вообще это была занятная мысль. Вы помните последние батареи, которые мы когда-то устанавливали на космическом корабле? В них сосуды, заполненные жидкостью и разделенные пористой диафрагмой. В каждой половине — колония бактерий. Один, размножаясь, поддерживает другую в жизнеспособности этой ивды и нашла бы более разумное применение своего опыта в менее экзотической области, либо... Впрочем, другого исхода я не видел. Слишком фантастичным было ее предложение.

— Вы так и не сказали, в чем оно заключалось,— заметил Космонавт.

— Вообще это была занятная мысль. Вы помните последние батареи, которые мы когда-то устанавливали на космическом корабле? В них сосуды, заполненные жидкостью и разделенные пористой диафрагмой. В каждой половине — колония бактерий. Один, размножаясь, поддерживает другую в жизнеспособности этой ивды и нашла бы более разумное применение своего опыта в менее экзотической области, либо... Впрочем, другого исхода я не видел. Слишком фантастичным было ее предложение.

— Вы так и не сказали, в чем оно заключалось,— заметил Космонавт.

— Вообще это была занятная мысль. Вы помните последние батареи, которые мы когда-то устанавливали на космическом корабле? В них сосуды, заполненные жидкостью и разделенные пористой диафрагмой. В каждой половине — колония бактерий. Один, размножаясь, поддерживает другую в жизнеспособности этой ивды и нашла бы более разумное применение своего опыта в менее экзотической области, либо... Впрочем, другого исхода я не видел. Слишком фантастичным было ее предложение.

— Вы так и не сказали, в чем оно заключалось,— заметил Космонавт.

— Вообще это была занятная мысль. Вы помните последние батареи, которые мы когда-то устанавливали на космическом корабле? В них сосуды, заполненные жидкостью и разделенные пористой диафрагмой. В каждой половине — колония бактерий. Один, размножаясь, поддерживает другую в жизнеспособности этой ивды и нашла бы более разумное применение своего опыта в менее экзотической области, либо... Впрочем, другого исхода я не видел. Слишком фантастичным было ее предложение.

— Вы так и не сказали, в чем оно заключалось,— заметил Космонавт.

— Вообще это была занятная мысль. Вы помните последние батареи, которые мы когда-то устанавливали на космическом корабле? В них сосуды, заполненные жидкостью и разделенные пористой диафрагмой. В каждой половине — колония бактерий. Один, размножаясь, поддерживает другую в жизнеспособности этой ивды и нашла бы более разумное применение своего опыта в менее экзотической области, либо... Впрочем, другого исхода я не видел. Слишком фантастичным было ее предложение.

— Вы так и не сказали, в чем оно заключалось,— заметил Космонавт.

— Вообще это была занятная мысль. Вы помните последние батареи, которые мы когда-то устанавливали на космическом корабле? В них сосуды, заполненные жидкостью и разделенные пористой диафрагмой. В каждой половине — колония бактерий. Один, размножаясь, поддерживает другую в жизнеспособности этой ивды и нашла бы более разумное применение своего опыта в менее экзотической области, либо... Впрочем, другого исхода я не видел. Слишком фантастичным было ее предложение.

— Вы так и не сказали, в чем оно заключалось,— заметил Космонавт.

— Вообще это была занятная мысль. Вы помните последние батареи, которые мы когда-то устанавливали на космическом корабле? В них сосуды, заполненные жидкостью и разделенные пористой диафрагмой. В каждой половине — колония бактерий. Один, размножаясь, поддерживает другую в жизнеспособности этой ивды и нашла бы более разумное применение своего опыта в менее экзотической области, либо... Впрочем, другого исхода я не видел. Слишком фантастичным было ее предложение.

— Вы так и не сказали, в чем оно заключалось,— заметил Космонавт.

— Вообще это была занятная мысль. Вы помните последние батареи, которые мы когда-то устанавливали на космическом корабле? В них сосуды, заполненные жидкостью и разделенные пористой диафрагмой. В каждой половине — колония бактерий. Один, размножаясь, поддерживает другую в жизнеспособности этой ивды и нашла бы более разумное применение своего опыта в менее экзотической области, либо... Впрочем, другого исхода я не видел. Слишком фантастичным было ее предложение.

— Вы так и не сказали, в чем оно заключалось,— заметил Космонавт.

— Вообще это была занятная мысль. Вы помните последние батареи, которые мы когда-то устанавливали на космическом корабле? В них сосуды, заполненные жидкостью и разделенные пористой диафрагмой. В каждой половине — колония бактерий. Один, размножаясь, поддерживает другую в жизнеспособности этой ивды и нашла бы более разумное применение своего опыта в менее экзотической области, либо... Впрочем, другого исхода я не видел. Слишком фантастичным было ее предложение.

— Вы так и не сказали, в чем оно заключалось,— заметил Космонавт.

— Вообще это была занятная мысль. Вы помните последние батареи, которые мы когда-то устанавливали на космическом корабле? В них сосуды, заполненные жидкостью и разделенные пористой диафрагмой. В каждой половине — колония бактерий. Один, размножаясь, поддерживает другую в жизнеспособности этой ивды и нашла бы более разумное применение своего опыта в менее экзотической области, либо... Впрочем, другого исхода я не видел. Слишком фантастичным было ее предложение.

— Вы так и не сказали, в чем оно заключалось,— заметил Космонавт.

— Вообще это была занятная мысль. Вы помните последние батареи, которые мы когда-то устанавливали на космическом корабле? В них сосуды, заполненные жидкостью и разделенные пористой диафрагмой. В каждой половине — колония бактерий. Один, размножаясь, поддерживает другую в жизнеспособности этой ивды и нашла бы более разумное применение своего опыта в менее экзотической области, либо... Впрочем, другого исхода я не видел. Слишком фантастичным было ее предложение.

— Вы так и не сказали, в чем оно заключалось,— заметил Космонавт.

— Вообще это была занятная мысль. Вы помните последние батареи, которые мы когда-то устанавливали на космическом корабле? В них сосуды, заполненные жидкостью и разделенные пористой диафрагмой. В каждой половине — колония бактерий. Один, размножаясь, поддерживает другую в жизнеспособности этой ивды и нашла бы более разумное применение своего опыта в менее экзотической области, либо... Впрочем, другого исхода я не видел. Слишком фантастичным было ее предложение.

— Вы так и не сказали, в чем оно заключалось,— заметил Космонавт.

АРЕСТОВАННЫЕ ОТКРЫТИЯ

Плени о задержанных Центральными комитетами цензуры иностранных открытий писем с изображением дома дебристов и часовой выстроеной ни в Чите. Это архивные находки в Центральном историческом архиве в Ленинграде. Показывается, в 1903 году сибирский журналист и издатель М. Сток пытается опубликовать памятные заметки, связанные с пребыванием дебристов в Сибири, и надать серию открыток. Как видно из названия дела, эта попытка потерпела полную неудачу. В деле хранится письменная жалоба Стока на действия цензуры, конфискованная версия (1500 экземпляров) двух открыток — «Дом дебристов» и «Часовая выстроена дебристами в 1826 году». Но жалоба издателя М. Стока стала ошибкой дебристы начали прибывать в Читу только в начале 1927 года. Тамзиш открытки, созданные в Чите, следуют датировать 1927—1928 годами.

Первой была приведена к повинованию моя секретарша. Просто удивительно, как быстро она стала ручной. Сначала по правду, а потом уже сестринским. Бюсс, что всех институте интересовало таинственное существо в новой лаборатории гораздо больше, чем основная работа. Однако прошел год, и ни о какой задаче не и мечтает. К тому времени мы уже оба забыли о нашем договоре. Больше того, как-то получилось самозабвенно заниматься правом бесприветного входа в мой кабинет в любое время. Иногда она появлялась, когда непременно поспешить меня в какое-либо сенсорное открытие, а иногда просто чтобы похлопать на дисковом столе, позволяющее в таком же осязательным. Бюсс, что в это время мы с ней менялись ролими. Она, облившая слезами, требовала немедленно отпустить ее обратно в школу, а я угрозил завести ее в тюрьму за нарушение контракта. Конечно это обычно так, что она свлярлась с места и мчалась в лабораторию, оседая вновь сенсорнообитающую среду.

Наибольшие трудности возникли с пробной разработкой машины. Если в материнской особи удавалось без особого труда выработать то, что мы называли «условленным рефлексом» по программе, то в потопитивной происходила обратная ситуация. Обычно не более чем один опыт из тысячи давал более или менее точное воспроизведение расположения бактерий в ячейках.

Наконец нам с ней удалось добиться некоторой устойчивости, позволяющей печь машины, как блины. Это было нечто вроде гектографра. Лист пластика, смазанный желатином, накладывался на поверхность машинной матки и протыкался иглами, когда на кончике иглы вытекает желатин токопроводящие вещества и извильности от путаной проводки, проблему можно было считать внешне решенной.

Баттерия на печатных схемах, — усмехнулся Космонавт.

— Что-то вроде этого. Но не думайте, что все было так просто. В таких делах чем больше решенных вопросов, тем больше проблем остаются. Прошло уже три года. Лаборатория кров-

детеля ушла не имела: детально была идентифицирована и уничтожена...», как запрещенные по распоряжению господина начальника Главного управления по делам печати.

Появление капитальных трудов, которых упоминается имена дебристов, цензура разрешила, но старинная и историческая памяти о событиях 14 декабря в отношении демократического направления, предзаключенных для народа. Сохраняющиеся в деле открытки — уникальные исторические документы.

Дания эти в Чите не сохранились. Но в местном краеведческом музее есть фотографии «Дома дебристов» и часового надписью: «Дом дебриста Н. А. Бестужева в Чите. Фото А. Кузнецова в г. Чите», что же касается Частого, то в ней стало известно только благодаря уральскому в деле Центрального цензурного комитета эмигранту открытки, которую мы воспроизвели в альбоме.

А. БЛЮМ

ПЕРВАЯ ЗАКАЗОВАЯ ГАЗЕТА

То на называлась «Московский ведомости». В один из тех горьких ноябрьских дней 1875 года вышел 210 лет назад первый номер этой газеты. Газета была основана Московским университетом. В отличие от нынешних газет «Московские ведомости» стояла на позициях интеллигенции, обьем которых зависел от частоты поступающих информации.

В «Московских ведомостях» публиковались вести из различных городов гоуской империи, и сообщения из-за рубежа. Например, в первом номере, воспроизду с которого мы предлагаем вниманию читателей, помещены корреспонденции из Санкт-Петербурга, Рязани, Бреста, Рязани, Парижа, Тулона, Венны, Гааги, Лондона, Ганновера.

Вот несколько строчек из этого номера: «Из Рязани 14 апреля. Академия Наук и художества сего города предлагает для решения задачи физиком, что бы изыскать причину трясави земли, и математические трудящиеся назначить сего рода работы. Работящие эти могут на Латинском или Французском языке». «Из Парижа 22 марта. Писательница Анна Каролина Дюму де Шартры, сыну Дюна Орлеанского, отечельный успех имеет; ибо

оспа четвертого дня и вечеру, овладывая начала, она том горьким Тромши и объявила: а на завтра выйдет зота сибиряки, но велико беспокойство чувствовал, но до ныне никакой опасности не было. Принцесса, его сестра, которая в настоящее время находится в состоянии здоровья, сколько того желать можно, по умиранию над не сей операции; и в сей нонимокот покаяния оспы. Весь год в нетерпеливости находится о сестрице, ама Санкт-Петербурга от 18 апреля. В саду его Императорского Высочества Графа Петра Николаевича Шувалова, имеется смотрения достойное произрастание с плодом. Оное есть столь слабая Муза, бабана или бананера, которая в России прежде сего кинюгда не шела и поныне принесята.

С 1779 по 1789 год газету издавал замечательный русский просветитель Николай Иванович Новиков. Новиковский период газета давала много интересного, привлекаясь иностранным отделением. Рядом с лучшими русскими первоукиными. В тридцатых годах XIX века «Московские ведомости» удаляют много места на библиографические цели: целые страницы газеты посвящаются кратким аннотациям о

В ВЕЩНОМ ДУБАХ И ДЕН ДЕН ТУДА.

ИЗ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА ОТ Н. ДУБАХ.

«С 1789 по 1799 год газету издавал замечательный русский просветитель Николай Иванович Новиков. Новиковский период газета давала много интересного, привлекаясь иностранным отделением. Рядом с лучшими русскими первоукиными. В тридцатых годах XIX века «Московские ведомости» удаляют много места на библиографические цели: целые страницы газеты посвящаются кратким аннотациям о

Выходе и продаже новых книг. В № 11 за 1837 год газета сообщила о смерти А. С. Пушкина, а в № 2 напечатано «Письмо к издателю», в котором рассказывалось о книжках и покровных великого поэта. Э. ФИЛИПОВ

Вот, пожалуй, и все, что я вам могу рассказать. — Значит, это был просто результат недоработки конструкции? — спросил Космонавт.

— Нет, конструкция была отработана достаточно хорошо.

— В чем же тогда причина?

— Принцип я узнал на следующее утро, когда устроил Сашку допрос с пристрелением. Дело в том, что, Ну, в общем, она, как всегда, увлеклась. Работала в нескольких направлениях, занималась выведением гибридов с различными программами. Последний вариант был просто ублюдком от скрещивания машины для управления космическими полетамы с машиной для экономических расчетов. В наше время Борюсся два начала: расточительность исследователя космоса и скардельность экономиста. В результате, видно, машина просто решила, что с точки зрения оптимальности затрат выгоднее всего прекратить полет.

Космонавт тиканно представил.

— Бедная Сашка! Представлю себе, что вы с ней сделали.

— Что с ней сделал.

— Простите, — сказал Конструктор и подошел к аппарату.

На экране появилось изображение красивой рыжеволосой женщины.

— Значит, так можно верить вашему общеплану! — воскликнула она, прицуря один глаз.

— Конструктор встал голым в плащи.

— Что вы имеете в виду, Александра Яковлевна! — спросил он.

— Сбыть это болванку распределит места в кормовом отсеке «Кометы», и я вас предупредил, что, если все наши приборы не будут размещены, я вам тоже отстрою!!!

— Хороню! — Ему было явно не по себе. — Перестань, что ты вытворяешь.

Экран погас.

— Это директор Института космической биологии, — сконфузивно — сказал Конструктор. — Очень знающая дама. Так о чем вы, Ах да! Увы, — добавил он, помолчав, — я уже больше с ним ничего не могу сделать.

жас. Боль. Отчаяние. Люди, неужели это произошло?!

Костлявые пальцы вдавлены в щеку. Изможденное лицо. Страдальчески открыт рот. Под напряженными дугами надбровий врезана пустота глазниц. Бездонная пустота. В одной — капля, кроме чеба. В другой — черный арачок. Его оживает ветер. И ветер рождает и разносит печальный, прерывистый зловон. Это стон мертвых и тех живых, кто до сих пор распахивается за сотворенное в Хиросиме.

Эту скульптуру сделал в подарок Яноши Арто Чакмакчи. По замыслу автора, двенадцатиметровый монумент из бетона должен стоять на открытом и голом месте (возврат ни деревьев, ни травяники).

Двадцать долгих лет прошло с августа 1945 года. Когда на Хиросиму обрушилась беда. Арто было одиннадцать лет. Тогда он не помнил как следует, что произошло.

Сегодня он видит Хиросиму такой.

...Арто Чакмакчи — многосторонний, очень общающийся скульптор и график. В Ереване о нем говорят преимущественно с уважением. А он совсем непохож на человека, в чей адрес раздается столько похвал. У него застенчивая улыбка, смущенный взгляд.

— Да не смущаете вы никого, — скажет он. — А просто приходите посмотреть.

Живет он на улице Комитаса. И дом его всегда полон музыки и людей. Арто говорит, что музыка для него, как хлеб. Если с утра прослушает Баха, Вивальди, то лучше и легче работает.

В дом его приходят и незнакомые люди — «просто посмотреть». Интересны его скульптурные портреты. Вот «Литована», «Армянка». Как различны они по характеру, но какая сила обаяния и потянутости рождает их!

Мать Арто, Армению, пожелала женщина с мудрыми и добрыми глазами, часто жабничала, как сын показывает свои работы. Портреты стоят в ее комнате.

Иногда, прощаясь, гости спраст ее:

— Рады, что сын ваш скульптор?!

И она отвечает вежливо:

— Да, очень рада. Я горжусь им.

И когда уйдут, скажет:

— Не понимаю, чем они так восторгаются?!

И надоеют. — Почему ты не доктор, сынок?

Она всегда мечтала, что один из ее сыновей станет врачом. Но младший сын, Грингор, — инженер, сейчас студент консерватории.

Арто говорит, что мать для них сделала самое главное. Быть может, она тогда сама хорошо не понимала, а только чувствовала, что должна поступить именно так.

Они жили в Каире, в новом европейском квартале. Арто хорошо помнит тот день, когда пришло разрешение переехать в Советский Союз.

Их большая квартира стала узкою тесной. Собрались все родственники. Дети сидели прижимшись. Взрослые бубнели.

— Ты недавно познакомился здесь мужа, Армению. И сейчас отказываешься от всего, что строил он для вас за много лет. Поехать в страну, где всего три года назад окончилась война.

Арто не улавлял мать. Обычно она любила поспорить, громко поговорить. И тогда ее был то ласковым, то резким. А тут она сидела такая притихшая, покорная, как будто была согнана.

— Ты спроси детей, хотят ли они ехать.

Спросил их, Армению.

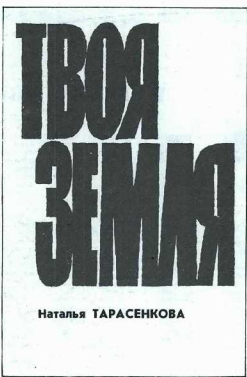
А сыновья переставлялись, пожимали плечами. Им правится в Каире. Здесь они ходят в школу, здесь у них друзья, с которыми они бегают в разные кварталы, собираются на пирамиды. Но в Советский Союз они поедут на огромном пароходе. А ради такого кутерьмства, пожалуй, стоит рисковать.

— Тогда отдай Арто Гагари. Гагари очень богат, он живет в Париже. Он даст великолепную прекрасное образование. Отдай ему сына, Армению. Сколько раз он просил тебя об этом.

— Нет, — спокойной ответила Армению. — Мы едем, и едем все вместе. И если хотим помочь, то помогаем будущим.

Их встречала послевоенная страна. И первые годы были трудными. Втроем жили они в маленькой, сырой комнате.

А мама! Арто и не предполагала, что в Армению может быть такая зима. После Египта ему показалось, что он очутился на Северном полюсе.

Наталья ТАРАСЕНКОВА

Арто Чакмакчи

В тот же год он поступил в художественное училище. И окончил его с отличием. Потом с отличием окончил художественный институт и снова вернулся в училище, чтобы учить мастерству других.

Впрочем, его преподавательская деятельность началась еще в студенческие годы. Первым учеником его стал Сергей Тушман. Довольно сложные обстоятельства свели их друг с другом.

Арто торопился в институт. Последний день занятый — и камушки. В дверях повзвонил.

Перед ним стояла незнакомая женщина. Арто хотел крикнуть: «Мама, я тебе!» Но женщина спросила его:

— Ты и есть Арто Чакмакчи? — С минуту она разочарованно рассматривала его. — Ты очень молодой, но у тебя много сходства с тобой. Послушай, я армянка, и ты армянин. Помоги моему сыну стать скульптором или художником.

Арто растерянно смотрел на женщину. Она так пылко и длинно говорила ему.

— А у него есть какие-нибудь работы? Вы привезли с собой что-нибудь?

— У него ничего нет, кроме желания.

— У тебя пришло? Дай мне посмотреть.

Сергей оказался сланным, неслым парнем.

— Мама решила сделать из меня genius. Ты не сердись, что первый удар пал на тебя?

— Чтобы стать genius, мамино решение маловато. Вот ремеслу и попробуй тебя научиться.

Арто приготовила глину. К работе они могут приступить хоть сегодня. Нужна только natura.

Они долго бродили по городу. И наконец остановились возле старика. Черты его лица были крупны и выразительны. Он сидел на низенькой скамеечке и торговал семечками. Старик долго не мог понять, что хотят от него два юноши. Сказали, что те два рубля, которые он вырывает за день, будут ему платить...

...Семечки он тоже может оставить себе. А он должен сидеть перед ними. Только и всего. Нет ли здесь обмена?

Своей новой работой старик остался доволен. Ему нравилось, как на его глазах оживала глина и вырисовывалось что-то смутное, похожее на его лицо.

А они работали зверски. С утра до вечера. Ленили, ломали, сверкали. Арто с первых уроков требовал, чтобы Сергей «брал натуре и выдерживал», а не просто импровизировал.

Учитель был настоящим. Ученик оказался способным. Через несколько месяцев Сергей был принят в художественный институт.

Сергей стал спом в доме Арто. А в доме его всегда собралась толпа. Бесные споры, разговоры об искусстве. Он хорошо запомнил один из таких разговоров:

Ребята спросили его:

— Не жалеешь, что не отправился и дяде в Париж? Стай бы и там скульптором.

— Стай бы, конечно. В Париже есть чему и у кого поучиться. Но ведь самый главный учитель — национальное искусство, свой земля.

— Но искусство не должно быть узконациональным. Да и родился ты не в Армении, — возразили ему.

Он плохо помнит, как все объяснил ребятам. Трудно было объяснить. Но он всегда думал об этом.

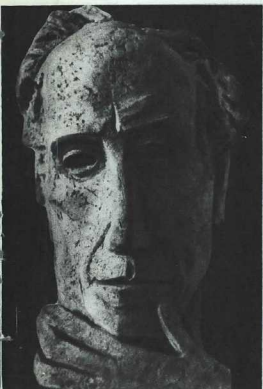
«Искусство не должно быть узконациональным» — это правда. Но только твою землю должна жить в твоим творчестве. Это — твоё начало. Твой будущий. И только на нем ты должен расти, чтобы потом отделиться и пойти своей дорогой. Много хороших армянских художников, скульпторов жили и живут в Париже. Но со временем они перестают быть армянами и не становятся французами.

Они любят свою землю, мечтают о ней. Но для человека искусства любить и мечтать мало. Надо любить по этой земле. Думать о ней, быть с ней. Надо хорошо знать прошлое этой земли, потому что без нее для тебя нет настоящего, нет будущего.

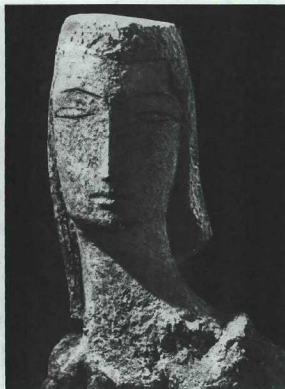
Когда Арто приехал в Армению, странное чувство овладело им, будто произошло смещение времени. Будто он уже жил когда-то на этой земле и не вернулся.

Будто он видел уже эти храмы и крепости, так скупо, точно и выразительно возведенные золотыми.

Видел север Армению, где господствуют камни. Камни величавым и мелким, как морская

Рубен Зарян

«Армякка»

Сфинкс (внизу)

галка. Зеленые, похожие на стада лугушек. Камни круглые, как арбузы, и плоские, как могольские плиты. Люди здесь трудолюбивы и мужественны. Им приходится отвоевывать землю у этих камней.

И вот, где податлива и щедря земля и где жары таких отчаянных красок, что хочется кричать от восторга. Пенсера. Розовые скалы. Красные горы, подвигившие спящее небо.

Каждый год летом Арто отправлялся бродить по Армении. Первые поиски — хаччапы. Это каменные плиты с рельефными крестами. И каждый из них — новый национальный орнамент. Чужие люди помогали ему. Они зарывались его зигунавам. Интересные находки помогали отправлять в Ереван.

Его приглашали в дом, угощали. А он рисовал детей и оставлял рисунки в гостеприимном доме.

...Село Узулар, Озунский храм. Ради него приехал Арто. И был потрясен им. Шедер армянского зодчества. Каждое утро спешил он к храму. Каждое утро встречал его старик, клал ему. На голове его кепка с длинным козырьком, он опирался на палку и пристально смотрел на Арто.

Однажды старик пригласил его в дом. — Мне уже девственно, — сказал он. — Скоро помирать. И решил отдать тебе, что долго хранил.

Он открыл огромный сундук. Он был нут, только на дне его лежала книга. Это была чапю.

Плотный кожаный переплет мало тронут временем. Но многие страницы уже встлели.

В Ереване Арто пошел с этой книгой в Матенадаран, в музей, где хранятся сокровища из сокровищ, древние армянские рукописи.

— Я принес вам чапю, — сказал он. — Если эта книга редчайшая, — возьмите ее. Если нет, — я оставлю ее у себя.

— Книга не представляет большого интереса.

Как объяснить, что чапю помогает ему работать?

Пусть ничего не сможет он прочесть, что там написано. Достаточно, что лежит книга у него дома, что он может открыть ее, потрогать ветхие страницы.

Удивительно, как вещи иногда могут создавать настроение в работе!

Дома у Арто стоит небольшая кузница... Тысячелетия хранится его земля. Как рука брала его, чтобы наполнить холодной водой реки Азат?

Крепость Гарни. Летняя резиденция армянских царей. Девятым разрушила ее. Но в развалины повесил до наших дней ее величие и красоту. Не одиножды бывал он с археологическими экспедициями в этих краях. И каждый раз по-новому восторгался тайным своего народа.

Но не только в Армении так пристрастен Арто. Он полюбил и другую республику — Латвию. Покорил его Ленинград. А недавно Арто побывал в Польше.

Каждый раз, приезжая домой, Арто собирает своих друзей, чтобы поделиться новыми впечатлениями.

Скоро он получит большую мастерскую. Памятник Кошкису — вот что самое главное для него. Памятник должен быть поставлен в начале улицы, которая носит имя композитора...

Арто — трезвый мечтатель. Улицы для него не просто улицы и скверы не просто скверы. Это его мастерская. В одном из скверов он видит, как в высокой зеленой траве расталаны огромные шахматы из разноцветного туфа. А там, где кончается город, на открытом месте — декоративные маски.

Арто говорит, что любит свои работы, когда думает над ними, когда создает их. А потом становится с ними равнодушным.

Но это не совсем так. Если он узнает, что вы хотите посмотреть двухстороннего сфинкса возле института физики, то непременно скажет наутраственное слово:

— Только не ходите в пасмурный день. И лучше от двенадцати до двух. В эти часы хорошо падает солнце.

Пусть сотворенное — прошлое. Но ведь оно ступенька, по которым шагнешь. Твой путь вверх.

Пока Арто в начале пути. Но у него хорошо видения, пристальный глаз. И твердая, говорящая рука.

3 ФЕВРАЛЯ 1968 ГОДА В ЭТОТ ДЕНЬ СОВЕТСКИЙ «АВТОМАТИЧЕСКИЙ КОСМОНАВТ» БЛАГОПОЛУЧНО СЕЛ НА ЛУНУ, ОБЯВЛЯЯ И НАЧАЛ СВОИ ПЕРЕДАЧИ НА ЗЕМЛЮ. ВПЕРВЫЕ ЧЕЛОВЕК УВИДЕЛ ЛУНУ БЛИЗКО, ТАК БЛИЗКО, ЧТО ЕЕ ХОТЕЛОСЬ ПОПЛАДИТЬ РУКАМИ, ПОЩУПАТЬ ЕЕ ТЕРЬДЬ. ДА, ИМЕННО ТЕРЬДЬ, ВЕДЬ СОВСЕМ ЕЩЕ НЕДАВНО БУШЕВАЛИ СПОРЫ УМНЫХ: МНОГИЕ УТВЕРЖДАЛИ, ЧТО ПОВЕРЯЮЩИЕ ЛУНУ ПОКРЫТА ТОЛСТЫМ СЛОЕМ ПЫЛИ, ТЕПЕРЬ МЫ УВИДЕЛИ ВОКРУГ «ЛУНЫ» ПРОСТИРАЕТСЯ КАМЕННАЯ ПУСТЫНЯ.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ МЯГКОЙ ПОСАДКИ НА ЛУНУ — ЭТО ВНЕДОУГАДАЕМА ПОБЕДА СОВЕТСКОЙ НАУКИ И ТЕХНИКИ, ПОСЛЕ ЗАПУСКА ПЕРВОГО ИСКУССТВЕННОГО СПУТНИКА ЗЕМЛИ, ПЕРВОГО ПОБЕДА ЧЕЛОВЕКА В КОСМОСЕ, ПЕРВОГО ВЫХОДА КОСМОНАВТА ИЗ КОРАБЛЯ ЭТО ВАНЕЦЫЙШАЯ ЭТАП, КОТОРЫЙ ВОДЯТ В ИСТОРИЮ ОСВОЕНИЯ КОСМОСА.

СКОЛЬКО ВЕКОВ ЧЕЛОВЕК МЕНТАЛ: УВИДЕТЬ ЛУНУ БЛИЗКО, РАСКРЫТЬ ТАИНЫ СПУТНИКА ЗЕМЛИ, ПОЗНАТЬ ОБЛАСТИ ТАИНЫ О ЛУНЕ, УЧЕНЫЕ ВСМАТРИВАЛИСЬ В ЕЕ ОЧЕРТАНИЯ, НО НИКОГДА НАШИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЛУНЕ НЕ МЕНЯЛИСЬ СТОЛЬ БЫСТРО, КАК В НАШЕ ВРЕМЯ, И ТЕПЕРЬ УЖЕ НЕДАЛЕК ДЕНЬ, КОГДА НА ЛУНУ СТУПИТ ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК.

ЛУННЫЕ ПОРТРЕТЫ

«Боги создали еще одну громадную землю, которую бессмертные называют Селеной, а люди — Луной, и на ней возвышаются многие горы».

Древний Египетский папирус.

«Возможно ли, чтобы живущие на Луне могли выносить в продолжение многих лет ничем не умеряемые лучи Солнца, непрерывно действовавшие сверху в каждый месяц, накаляющие их головы! Нельзя допустить, чтобы притоком жары и при столь разогретом воздухе здесь могли быть метель, облака дождя, без которых растения не могут ни возникнуть, ни существовать».

Плутарх, 12 век нашей эры.

«Несомненно, что на Луне жизни должны существовать в той или иной форме».

в Гершель, XVIII век.

«Может быть, в настоящую минуту семейства лунного человечества живо заняты маши и вооруженные сильнейшими инструментами. Безпрестанно рассматривают наши города».

К. Фламмарин, XIX век.

Символическое изображение Луны и других небесных тел, мы встречаем у древних вавилонян.

Так выглядела Луна в гетесков Галилея [это его рисунок 1610 года]

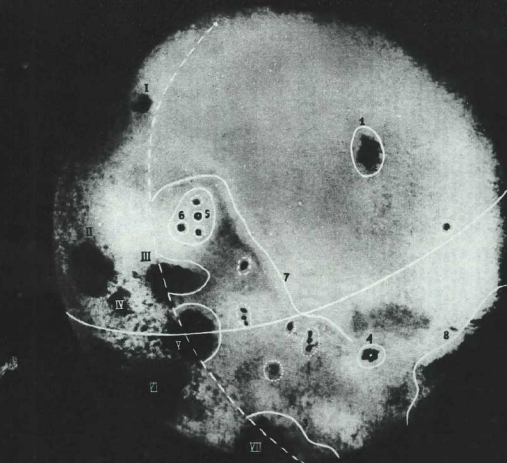

Первая лунная карта, составленная Гесесием, в 1655 году

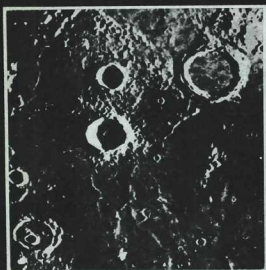

ЛУНА НА РАССТОЯ

Этот снимок сделан советской станцией «Луна-3» в 1959 году. Впервые люди увидели обратную сторону Луны.

Американский аппарат «Рейнджер-9», приближаясь к Луне, сделал несколько тысяч снимков. Это последний снимок с высоты 1 200 метров.

Такой видят астрономы Луну в мощный современный телескоп.

«Фотография века» — панорама лунной поверхности, посланная на Землю советской станцией «Луна-9». На ней различимы детали величиной в миллиметр.

НИИ ПРОТЯНУТОЙ РУКИ

РАЗОБЛАЧЕНИЯ И ПРИЗНАНИЯ

REVUE

•PERIOD, OFP

ЗЛОПОЧЕНИЯ ТОБИГЕНСКОГО СТУДЕНТА

каждых коммент, мысленно возмоща- сть готовить пищу дома.

Сидя в комнате, она слышит шум воды, слышит стук посуды, слышит шаги. Она слышит стук посуды, слышит стук посуды, слышит стук посуды.

Она слышит стук посуды, слышит стук посуды, слышит стук посуды.

Она слышит стук посуды, слышит стук посуды, слышит стук посуды.

Она слышит стук посуды, слышит стук посуды, слышит стук посуды.

Она слышит стук посуды, слышит стук посуды, слышит стук посуды.

Она слышит стук посуды, слышит стук посуды, слышит стук посуды.

Она слышит стук посуды, слышит стук посуды, слышит стук посуды.

Она слышит стук посуды, слышит стук посуды, слышит стук посуды.

Она слышит стук посуды, слышит стук посуды, слышит стук посуды.

Она слышит стук посуды, слышит стук посуды, слышит стук посуды.

Она слышит стук посуды, слышит стук посуды, слышит стук посуды.

Она слышит стук посуды, слышит стук посуды, слышит стук посуды.

Она слышит стук посуды, слышит стук посуды, слышит стук посуды.

Она слышит стук посуды, слышит стук посуды, слышит стук посуды.

Публициста рассказ известного писателя Ф. Е. Рэндома появился в американском журнале «Сатердейт пост» весной 1965 года. Это было первое, что он написал о жизни в СССР. Рэндома описывает один день из жизни молодой женщины-американки в Москве.

НАСТОРОЖЕ

— Простите — сказала Веллети по телефону, своей приятельнице — по имени Мэри.

Она лишний раз проверила свой карман, но ничего не нашла.

— Это неправда — возразила Дороти.

— Это неправда — возразила Дороти.

— Это неправда — возразила Дороти.

— Это неправда — возразила Дороти.

— Это неправда — возразила Дороти.

— Это неправда — возразила Дороти.

— Это неправда — возразила Дороти.

Публициста рассказ известного писателя Ф. Е. Рэндома появился в американском журнале «Сатердейт пост» весной 1965 года. Это было первое, что он написал о жизни в СССР. Рэндома описывает один день из жизни молодой женщины-американки в Москве.

Публициста рассказ известного писателя Ф. Е. Рэндома появился в американском журнале «Сатердейт пост» весной 1965 года. Это было первое, что он написал о жизни в СССР. Рэндома описывает один день из жизни молодой женщины-американки в Москве.

Публициста рассказ известного писателя Ф. Е. Рэндома появился в американском журнале «Сатердейт пост» весной 1965 года. Это было первое, что он написал о жизни в СССР. Рэндома описывает один день из жизни молодой женщины-американки в Москве.

Публициста рассказ известного писателя Ф. Е. Рэндома появился в американском журнале «Сатердейт пост» весной 1965 года. Это было первое, что он написал о жизни в СССР. Рэндома описывает один день из жизни молодой женщины-американки в Москве.

Публициста рассказ известного писателя Ф. Е. Рэндома появился в американском журнале «Сатердейт пост» весной 1965 года. Это было первое, что он написал о жизни в СССР. Рэндома описывает один день из жизни молодой женщины-американки в Москве.

Публициста рассказ известного писателя Ф. Е. Рэндома появился в американском журнале «Сатердейт пост» весной 1965 года. Это было первое, что он написал о жизни в СССР. Рэндома описывает один день из жизни молодой женщины-американки в Москве.

Нагнет

оказаться поздне дери, когда она ли. Она касси самоубийца.

— Где вы работаете? — спросил Рэндома, держа в руках револьвер.

— Да я не так уж трудолюбива, но работаю в магазине.

— Да я не так уж трудолюбива, но работаю в магазине.

— Да я не так уж трудолюбива, но работаю в магазине.

— Да я не так уж трудолюбива, но работаю в магазине.

— Да я не так уж трудолюбива, но работаю в магазине.

— Да я не так уж трудолюбива, но работаю в магазине.

— Да я не так уж трудолюбива, но работаю в магазине.

— Да я не так уж трудолюбива, но работаю в магазине.

— Да я не так уж трудолюбива, но работаю в магазине.

— Да я не так уж трудолюбива, но работаю в магазине.

— Да я не так уж трудолюбива, но работаю в магазине.

— Да я не так уж трудолюбива, но работаю в магазине.

— Да я не так уж трудолюбива, но работаю в магазине.

ПОСЛ

БИЗНЕС НА НИЩЕТЕ

«САТЕРДЕЙ ИВНИНГ ПОСТ», США

ДЭНИЭЛЬ ФРЕЙНЕРТ

лет назад обследование показало, что компания в долге, соруженная на оборот, оборачивается ежемесячно от 33 до 100 миллионов долларов. Это были миллионы долларов, а не сто тысяч.

— Это неправда — возразила Дороти.

— Это неправда — возразила Дороти.

— Это неправда — возразила Дороти.

— Это неправда — возразила Дороти.

ВЫПОЛНЕНИЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЦК КПСС, ЛЕТОМ 1965 ГОДА ПРОАУТОРАТЪСЬИЧНЫМ СТУДЕНЧЕСКИМ СТРОИТЕЛЬНЫМ ОТРЯДОМ ВУЗОВ МОСКВЫ, ЛЕНИНГРАДА, КИЕВА, ХАРЬКОВА, КОЛГАТРАДА, НОВОСИБИРСКА, КАЗАНИ И АСХАБАДА РАБОТАЛА НА ОСВОЕНИИ НЕФТЯНЫХ И ГАЗОВЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ ТОМОНСКОЙ ОБЛАСТИ. НАХОДЯСЯ В ТЯЖЕЛЫХ ТАЖЖИХ УСЛОВИЯХ, СТУДЕНТЫ ПОКАЗЫВАЛИ ОТЛИЧНУЮ КОММУНИСТИЧЕСКУЮ ДИСЦИПЛИНУ И ТРУДОВОУ ОТДАЧУ. ОТРЯДОМ ОСВОЕНО ПОЧТИ 4 МИЛЛИОНА РУБЛЕЙ КАПИТАЛЬНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ, БОЛШИНСТВО ОБЪЕКТОВ ВВЕДЕНО В ЭКСПЛУАТАЦИЮ. ВСЕ РАБОТЫ ВЫПОЛНЕНЫ С ОЦЕНКОЙ «ХОРОШО» И «ОТЛИЧНО».

(Из постановления ЦК ВЛКСМ от 7/1 1966 года)

Идем со мной в старом «Ии-2», точно в пригородном поезде, везу кутеру мазель ребячьими: дети буровиков возвращаются из пригородного лагеря. Для них самолет — штука привычная. В Верезове она так же просто передвигается на вертолете, чтобы лететь в Игрме — поселок, где около милиста селом дома для студентов. Здесь работают русские студенты института имени Губкина.

А внизу, под самолетом, — огромная, гладкая, как стол, земля, что зовется Западнотомской равниной. Летит над ней, и до синего туманного горизонта видно и до реки извилистые, десятки ручьев разбегаются, оскотятся и, точно в ключи растекаясь, отделяются, становятся озерами. И болота, болота, болота, зеленые, ржавые, властные теснят кудрявые островки тайги. Сколько ни агладывайся, не увидишь ни избушки, ни дороги, ни люди...

В апреле развелось по институту: Игрм строят там Записывались в комсомольский строительный отряд и собирали информацию. Она укладывалась в три слова: газ, тайга, комары. С этим и отправлялся из Москвы.

Ура, ребята! Меня укусила первый комар!

Станция Селга. Поезд стоит 16 часов. Вода в реке темная, по-северному непрозрачная. Холм порос карликовыми березками. На самом гребне торжественно выстроились четырнадцать работ в зеленой форме, с красной эмблемой на рукаве. Один захлопнул ящик:

— Приказ по отряду! В связи с тем, что мы, молодые, неопытные, но сильные ребята, впервые перенесли Полярный круг для освоения ископаемых земель, призываему личному составу геологического страда совершить торжественный обряд «полярного крещения!».

Пулел вылетали из ледяной воды... в объятиях комара.

И вновь дорога — скалы Урала, лед на вершинах, туманы, мрак, речной локос и лесничия, как в Севастополе, только деревянные — Селеквары. Великие ночи. Разговор:

— Ты что не спишь?
— Яд темноты.

— Яд горизонтон выходит солнце...

Игрме... Сначала разочарование: думали, кутерма, орудия труда — кирочки. Все четырнадцатидесяти — торжественное. Родился план будущего города, студенческого палаточного городка. Огромная площадь (и значащих улиц). В центре штаб. За ним столовая (все тут ведут...), с трех сторон ряд палаток. Столы для пинг-понга, за «городом» возвышалась площадка.

Голосом. Кто «за»? Единголасно! А теперь — стрелки!

И началась вечная бой за материалы. На полях для палаток привели горбыли: сколько попорбуй! Топором владеют не все. Учатся на ходу, а времени в обрез. Строитель-

ный отряд на 135 человек — уже выехал из Москвы.

...С утра наконец дали доски. Поделили отряд на бригады — и пошло конвоем: одна бригада делает разметку, вторая стелет полки, третья ставит каркасы. (А палатки еще в пути!)

Работают без отдыха, без перерыва... В семь вечера — телеграмма: «Едем, встречайте нас! в послед здании: баржа с палатками здесь».

Взлагослови белую юбку, разгружают баржу. Нагнивают палатки, расстругают крышати... В четыре утра крик: «Едут! И, не успева приедет, все четырнадцатидесяти — бегом через поселок на пристань».

Отряд высидели в Игрме, и на деле началось то, что до сих пор угадывалось в прилагательных словах: трудности, изнуряем и оинте же комары. Почти каждый второй не знал, одной или двумя руками держать топор... У бригады Скворцова в дождь затопило полтора фундамента дома... Завывали несом только что вырытые ямки... Всей бригадой, как муравьи, крапята, воздвигали опорные столбы... А к вечеру не разгабалась спина. И где-то было шуметь «ложу».

А дни идут. Нарастают мучения, доплатается спорника, и на месте «кравольных» колья разметки встают фундаменты, растут стены, ложится белая перекрестки.

Крутятся. Работаем... три... Есгы! Крутятся котлован выкапывает метром десят. В нем два деревянных «станка», один в другом, — опалубка. На два дна. С поверхности вниз «об», вдоль него ребята. Велериди вду со дня — и вверх. Солнце жжет. Рубяки, бурые от пота, брошены в кучу. Спины мокрые, в песке... Тепло, ребята!

Кто они делают?

Вани Вулькин, бригадир, весело усмежается.

— Решетом воду носим! — говорит резко. — Думали сегодня пожарный водою дождать. Вечер экскаватор аму вырыл. Утворившись, что с утра бетон будет. Не забегонитур сразу — водою затопит. Утром стаяла в четыре, закончили опалубку. Ждали-ждали бетон — затопил — водою!».

А через несколько дней в кабинете главного инженера стройуправления собралось совещание. За столом представители всех организаций, ведущих работы в Игрме. И сам «главный» в часе пригласивших. Сообщение ведут студенты.

— Мы пригласили вас для того, чтобы решить основную проблему: чем и из чего строить? У нас думки заболелось о деле, а дело стоит. Коротко, нушим доски, брус, бетон. Нужны материалы: тачки, тракторы. Нужен трес. Иначе наше пребывание здесь бесплодно. Давайте вместе подумаем, как обеспечить работу.

Когда сказали слово, многим представлялось, что едет студент на огромный лабораторном столе: справа брусья, слева доски — ровное стельно, сильно шумно, засучи руки и берись за топор.

На деле оказалось сложнее. Промышленность строительной области не была готова к разгону строительства. Сейчас многие материалы везут из соседних областей и доставляют в места строк раз в году, но везут короткой навигацией. Все, что было затопило студентам, приходилось в первую очередь выделывать. Никого не жалал, что или возмуж такой темп.

И, понимая, что надеяться не на кого, ребята сами ищут выход. Посылают человека

в Тюмень, в трест, добиваются материалов. Осмотрев широким, определяют: на одной работе работать. Простать обучить четверть ребят и пилить доски на всю стройку.

Долго не думают. Организуют команду: посылают на барже трое студентов в ближайшую поселки — Нарыраки и Пуигу, получают цемент.

Лес в Игрме — большой лес. В начале лета привезли водою семь тысяч кубометров, оставили в протоме. Тут же хлещет вытаскивать на берег. Оставили до зимы — вмерзает, каждое бревно ломом добывать придется, весной наводком увезет. А стройка идет. Вытащить лес вылезла бригада студентов-товарищанин... Рассчитали время и в пять утра выходят на работу. А тут ни машин, ни трасов, хоть голыми руками волоки. Ищут, требуют, добиваются, точно ни одним ни вылезти в лес, ни тот. Половину успеха вытаскивать, штабелами сложили на берегу...

И стройка идет. Бригады складывают готовые дома и начинают везти.

олго-долго догорает на севере зари. Узкая полоска, тумачи приятная в воде, сначала желтая, потом бирюзовая и снова золотая, — она будет жить до утра...

Днем не оинте поговоришь. Зато вечером. Вечером столыла превращается в клуб. Кто пишет письма, кто жарит грибы, кто просто так забелек на огонек, — разговор общий. Девчата моят посуду, переменяются. Десятьюна бригада чистит на дворе котлы, подбирающая реллики и открывает дверь... И вдруг, вспоминая, ачем я здесь, кто-то спрашивает:

— Итиррено, что вы про нас напишите?

— Борне Вигунцы становится в позу и декламирует:

— «По зову сердца и долга молотом энтузиасты бесстрашно ищут романтику в освоении строкотого Севера».

— Сто раз слышали, — обрывает Сама Грачев. — Не атем ехали...

А зачем?

Пожал плечами.

— Стронь.

— Землю увидели... — негромко откликается Вита Паннини. — Мы же ее и не знали совсем».

А еще интересно, на что в спишь в часе, — говорит Женя Устинов. — Вьешья, бьешья и видишь: могу!

Кто-то встывает:

Гравес снова перебира:

— Это они для нас печата. А по правде хотетье знать? Мы сюда заработать приехали! А что, польза?

Что ж, нравы все. Глупо утверждать, что едет студент на стройку только из «чистого энтузиазма», а деньги студенту не нужны. Но често и важны экономические ити «трудовой бригады» — что огромная польза, которую приносит стране строительная армия студентов, сочетается с возможностью материально поддерживать их семьи. Погоричне с добром. Глупая ребята решила купить бандарки и уйти в водный поход... Кто-то жинится — надо одеться. Мать болыша — нужно помыть...

Весь лишь в том, что ты сам ставишь, во главу угла, что светит тебе, когда ты стоишь на легах. Если прежде всего понимаешь важности твоего труда, ответственности пе-

АКТРИСА :

А. В. ЭФРОС И О. ЯКОВЛЕВА
НА РЕПЕТИЦИИ «ЧАЙКИ»

СЦЕНЫ ИЗ СПЕКТАКЛЯ
«МОЯ БЕДНАЯ МАРАТ»

ода четыре назад
мой знакомый,
страстный любитель
футбола, увидел
меня в фойе
Центрального Дома
актера на выступе
молодую женщину с огромными
светлыми глазами.

— Смотри, вот meet жена
Игоря Нетто!

— Как же она сама?
— Наверста, студентка
Щуцкого училища.

Принимать, мы всегда не
слишком осторожно относимся
к титулу жены знаменитого
человека. Ольга Яковлева
так ее зовут, и неслучайно
было слышать это пред-
упреждение. Но она сумела.

Первые месяцы ее работы
в театре имени Ленинского
комсомола не остались в па-
мяти зрителей. Просто была
еще одна молодая, подра-
жающая наезднице артистка. Ко-
нечно, можно было бы сей-
час перевернуть, ставя
программы, назвать не-
сколько первых ролей, пер-
вых спектаклей Ольги.
Стоит ли? Лучшая страница
творческой биографии актера
начинается не в день вы-
хода на подмостки сцены.

Надо еще определить в ис-
кусстве свою творческую
нишу, встретить талантливых
единомышленников. Сейчас
невозможно представить
театр одного актера.

Ольга Яковлева полюбила
актерскую профессию еще
дополнительно стал Анатолий
Эфрос.

Сначала был спектакль
«Юсиф Кадильяк», мальчишки.
Была пронзительная жалоба
к юного солнца, и неста-
нкая смелая юного моря-
ря. Были трое мальчишек,
которые прощались со
своим детством. И была Ин-
на со знакомыми огромными
светлыми глазами.

Нет, Ольга Яковлева тогда
не выдала шумных апло-
дисментов и восторженных
отзывов критиков. Играла
она непохоже. Но не больше.
Ее Инна много хвалилась
на сцене, улыбалась, болта-
ла, она морочила, вперые
задумывалась, позорилось.

Искренне ценю это зна-
чение. Но творческого от-
крытия не происходит. Ха-
рактера неповторимо инди-
видуального зрителя еще не
узнал.

«Что ж, очень мила...» —
говорили об Ольге и после
примеры спектакля «В день
свадьбы». Пьеса Виктора
Розова, ставила заметным

событием в театральном
жизни Москвы, тоже не при-
несла Яковлевой особого
творческого удовлетворения.
И вдруг ошеломляющее,
единодушное признание ее
студентом Натаси, героини
пьесы Заварды Радзин-
ского «Юл
любое», как самой яркой
актерской удачей сезона.

Надо сказать, что все эти
три роли Яковлева сыграла
с постепенным бурным
и несомненно. Поэтому
мы не можем говорить здесь
о постепенном накоплении
опыта, о медленном — сту-
пенчатом за ступенчатой
движении вверх. Талант, чи-
стая интуиция, инстинкт,
зригал красками при
встрече с драматургическим
образом, стоишь нечистый и
сильный. Актриса и роль
медленно друг друга. Парал-
лельно, как в нарядном юном
эпизоде Яковлева добывала
зрителю новое впечатление,
новое знание о своей На-
тасе.

Бросил современная си-
туация: Физик, открываю-
щая тайны материи, который
в любой день запросто
воскочит чуждому человеку
романтична, как перспектив-
на его профессии, и стору-
чен, в труде которой за
внешней романтикой скрыва-
ется замечательная правда:
угостить пассажиров, обо-
едем, помочь посетителю, ослеп-
ительной улыбкой поблаго-
дарить за внимание. Только
ощущается эта ситуация
современной в самой своей
глубине.

Дело не в том, что автор
перевертывает все с ног на
голову: погибает Ма-
тася, погибает героини-
сти, — а самоуверенный фи-
зик начинает смотреть на
людей с ее детской чистотой
и требовательностью.
Просто в чужд атмосфере
более ценны верны высшей
морали нашего общества:
вера в людей, кристальная
честность, умение открыться
за незнакомым, случайным
глазком.

Сосмотрите, как сыграла
все это Яковлева. Ни в одной
нотке не сфальшивила,
ни один поступок не казели-
чила. Скелетник знает: То-
му мне дождет — пыльное
обложку угостит или старого
приятеля пожелает...

В таком и дело, как это
сыграла Наташа — Яковле-
ва вовсе не затерялась с
крыльщиками за спиной.
Подочку она обложку, кото-
рым всегда была так сукна,
не предожит. Где, куда на-
училась эта девочка так

ДОМА...

НАТАША ИЗ ПЬЕСЫ «ЮЛ СТРАНИЦЫ ПРО ЛЮБОВЬ».

разбираться в людях, так
постаринному мудро оце-
нить их? Не тот физик, а она
— настоящий человек
нашего времени и нашего
общества.

— Это была главная
роль — в пьесе Алексея
Арбузова «Моя белая Ма-
ргарита». Знаем ли мы с де-
вочкой Лией в полувечерней
комнате блондинного Лени-
града, прощаясь двадцать
лет спустя со строгим, много
пережившим и так задуше-
внейшей счастье женщиной.
Даже внешне одним искус-
ство актерского перевопло-
щения Яковлева: мы пережи-
гаем и особому гриму, парикам,
умеет она признавать
нам поверить, что героиня
шестнадцать и что героине
тридцать шесть лет... Но го-
раздо интереснее наблюдать
возражение внутренне. Как
постепенно и как почтительно
реактирует она на один и те
же слова, как сменяется не-
последствия плановости, не-
оторопливости, давнейши-
как от умения слушать при-
ходит она к умению гово-
рить.

О пьесе Алексея Арбу-
зова много спорили, много

спорили и о работе Яковле-
вой. Здесь игра ее, ее обра-
за не были восприняты столь
безоговорочно, как в предид-
ущие спектакли. В этой по-
пытке и всецело на стороне
Яковлевой.

Мы иранителю, что она бы-
рется за непохожим характе-
ром, избегает одина-
ковых красок, любую драма-
тическую ситуацию не боится
разрывать улыбкой, и мо-
едии не избегает трагиче-
ского напряжения. Иранителю
и то, что в этих разных
характерах нет и про-
содержит нечто общее.
Уверен, что в нынешних и
будущих ролях всегда уви-
дим мы немного от створ-
десс (Натаси).

Анатолий Эфрос не про-
сто доверяет актрисе глав-
ные роли, он доверяет ее
самостоятельному творче-
скому мышлению. Не иранителю
ей, даже когда, быть
возможет, не совсем согласен,
неторопливо, давнейши-
как от умения слушать при-
ходит она к умению гово-
рять. О пьесе Алексея Арбу-
зова много спорили, много

спорили и о работе Яковле-
вой. Здесь игра ее, ее обра-
за не были восприняты столь
безоговорочно, как в предид-
ущие спектакли. В этой по-
пытке и всецело на стороне
Яковлевой.

Мы иранителю, что она бы-
рется за непохожим характе-
ром, избегает одина-
ковых красок, любую драма-
тическую ситуацию не боится
разрывать улыбкой, и мо-
едии не избегает трагиче-
ского напряжения. Иранителю
и то, что в этих разных
характерах нет и про-
содержит нечто общее.
Уверен, что в нынешних и
будущих ролях всегда уви-
дим мы немного от створ-
десс (Натаси).

Анатолий Эфрос не про-
сто доверяет актрисе глав-
ные роли, он доверяет ее
самостоятельному творче-
скому мышлению. Не иранителю
ей, даже когда, быть
возможет, не совсем согласен,
неторопливо, давнейши-
как от умения слушать при-
ходит она к умению гово-
рять. О пьесе Алексея Арбу-
зова много спорили, много

Р. ПОСПЕЛОВ

ФОТО М. МУРАЗОВА

Збигнев НЕНАЦИМ

Перевод с польского
Э. РОГОВА и Е. ФАКТОРВИЧА

ПОСВЯЩЕНО

13 ИЮНЯ, утро

Пробнувшись, он с изумлением увидел занатую пригласительную записку Розану.

— Я не пошла на работу, — заявила она беззаботно. — Не хотелось.

— Причина удивительная, что и говорить, — ворчал он, намывая лицо кремом для бритья. — Ты, конечно, дурашка, Розана, что все будет так синхронизовано, синхронизовано тебе, как я. — Ты? Ты синхронизован! Это с тобой тоже подобно синхронизации, синхронизации, синхронизации, поиска воображаемого пистолета — выношения! В убийствах чета Бутылко и Кобылянского ты поразрешив весь мир, включая меня, Панулу и себя самого.

— У Бромберг рассказывал тебе, Розана, не я вел себя с Урнегером. Что ни говори, он чинил Заму, а я дал ему пачку старых фотографий!

— Просто дай ему язык за фотографии. Представлю себя в пачке старых фотографий Генриха с его троусью, на другом снимке — погибший в автомобильной катастрофе Ринерт, на третьем — дом Бутылко, на четвертом — Генрих, опирающийся на троусь, стоит над обрывом в размыленном в гравийской сушью репортера Кобылянского. Далее снимок ноглы Анеги Поревской, фотографии Бромберга над мочолой своей жерты, тут же старинная фотография ольгитерия Замы. Опыт Бромберг, повествующий о преступлении.

— Хахат, хахат! — закричал Генрих, ибо именно так, а не иначе представлял он себе репортаж о троуси. Некоторое время он молча брнлся, потом высунул голову из ванной и зловидно спросил: — Снаши, отгадай у меня такое чувство, будто ты никогда не работала в Доме моды!

— Ты считаешь, что я чересур интеллигентка для такой работы? — интеллигентка? — спросила Розана, прислонившись к носу двери. — Нет, Генрих уклонился от дискуссии.

— Как тебе бы спидов? Ты еще раз продемонстрировала свою глупую поправительность. Конечно, я не верю тебе, из-за моего. Я чувств, на последнем курсе юридического факультета. А издается над танным алурми, как ты — все самое любимое Замате, — отпустила ему Розана.

13 ИЮНЯ, день

— Во сколько ты кончаешь работу? — спросила Розана, когда она остановилась у Дома печати.

— Не знаю. Покажусь у главного и постараюсь сделать указание. Иди и сестре Ринерта, а потом еще кое-куда. Скорее всего дома буду вечером.

— Я от тебя сегодня не отстану и целый день буду с тобой. Честное слово, я тебе не пошеюю. Вряд ли меня оставит такая темнотеленая «сирена». Из машины вышла Юния, молодой красивый мужчина с волосами в стиле «дискотек». — Не хочешь ли составить мне компанию? Мы собираемся за город, — сказала Юния, поздоровавшись с Генрихом Розану, она словно не оглянулась. — Ко мне приехал брат из Познани. Он пробует в Лодзи несколько дней. Ну, как, согласен? Что мы ты отвечаешь? — взорвалась она.

— Вышла зеленая «сирена», — вмешалась Розана.

Юния обиделась и ушла. Генрих принялся поздравлять Розану.

— Ты не понимаешь, зачем ты постоянно подговариваешь Юнию. Кроме того, у Юницы была действ-

ительно темно-зеленая «сирена». Была, а не есть. До свидания, вечером увидимся.

Он достал Юнию в коридоре редакции и стал перед ней оправдываться.

— Она действительно несносная, — заметил он. — Поехав с нами на прогулку!

— Сегодня не могу. Я как раз замачиваю историю моего троусиона. — Он ловко подбросил и поймал троусь. — Скоро у меня будет масса своего времени. Тогда и съездишь куда-нибудь. Вазоном, без троусей брата. И на мою машину, — подчеркнул он.

Генрих явился к главному редактору, потогонил в своем нонату и выскознул на улицу. Не прошло и получаса, как он стоял перед дверью надрыв Ринерта. Долго стукал, пока услышал голос старушки.

— Кто там? — спросил журналист.

— Это старинный притворный дверь, — сказала ему женщина. — Вы меня боитесь, дорогая ланя! — И всецелю больше. Все время юго-то убавая, а убавил так и на машин. Момент быть, это вы!

Он начал плакать.

— Вы кто-нибудь угрожали? — спросил журналист.

— Убил репортера из «Жан», а он тоже был и меня. Двое два раза. Теперь, видно, моя очередь.

— Но ведь я и у вас бывал, а посмотрите: жив и здоров.

— Это-то и позорительно.

Он понял, что она не спустит его. «Нагнали на нее страшу», — подумал Генрих. Однако поведение старушки его не удивило: три убийства одно за другим кто кого наугадает.

— А миллионеров вы выпускаете? — поинтересовался он.

— Панула ко мне заходит почти каждый день. Сегодня тоже был.

— Вы не раздражаетесь, что этот Икс из записки никуда не вышел? — спросила Розана.

— Не оставалось ничего другого, как поощрять его уйти. Из автоклуба он ушел, а кто автор? Но Бромберг, где имя Смижанский, отправляет только через полчасца. Генрих Юния билет и записку в маленьком ящике. Настороженность — «моя» Смижанский искал зловещую сонную, свидетельничко, ему приходилось сталкиваться с человеком, продававшим старинные вещи и пожелавшим остаться незамеченным.

В автобусе было душно. Генрих задернул и прошептал ему Бромберг. Смижанский сразу покосился ему, где жил Смижанский, увидев перед собой Генриха, Смижанский очень удивился.

— Вы позволите себе потретьнуть вас, — объяснил Генрих, — чтобы взглянуть на сонлику, купленную вами? Смижанский очень удивился.

Смижанский провел пальцем по своим громаднейшим губам.

— Сегодня утром у меня была мянщина. Он тоже интересовался сонликой. Может быть, и мне тоже? — спросил Генрих.

— А кроме мянщины, и вам никто не заезжал к вам? — спросил Генрих.

— Нет, Ринертер, шестого нинто!

Сидящий поросенок, поглаживая рукой по своей бритой голове.

— Я знаю, о ком вы говорите. О репортере Кобылянского, которого убили. Я прочел об этом в газете и знал, что рано или поздно мянщина вылезет у Кобылянского.

— Присни сегодня рано утром, записки мои показание. Да, 6 июня, поздно, у меня не было времени. Он, как и у вас, говорил, просил показать сонлику, интересовался, у кого ее купил Ринерт. Я не смог дать ему нужную справку.

— Почему бы не пойти к нему? — спросил Генрих. Он увидел, как он бника и автобусу.

— Он ушел. Куда он пошел, я, конечно, не знаю. Люди видели, как план репортер сиделся в автобусе. Его залопанила женщина из ниинного ки-

оска: впервые в истории нашего города нашлась покупатель на журнал «Диалог». Она сама мне об этом сказала.

Смижанский предложил Генриху сигарету.

— Боже мой! — вздохнул он. — Неужели мянщина отбавит у меня сонлику? Я дал Гневословскому три с половиной тысячи. Она стоит немного больше, но это и купил ее у Ринерта за три тысячи, так что это не в накладе.

— Что вы говорили мянщина, меня не касается. Это — ваше дело. Просту быть со мной откровенным. Ваша сонлика стоит в десять раз больше, чем вы за нее заплатили. Для мянтона и миллионеров — это больше. Ведь вы купили ее не потому, что у вас есть избыток с таким же сомнением. Да и вообще я не верю в существование такого чуба.

— Я не мянembroлет! — Смижанский потонул себя за ус, но на Генриха это не произвело никакого впечатления.

— Я не собираюсь вас оскорблять, а просто хочу услышать ответ на вопрос: откуда вы знаете, что золотная сонлика — творение дуги Беневуото Челлини? Если вы не ответите мне, я постараюсь, чтобы чье-то портрет задана вам мянщина.

— Я прочел в газете отрывок из дневника доктора Крымского. Там шла речь о сонлике с Лорей и дедом брати Челлини. Точно такую я увидел у Ринерта и решил купить ее. Ринерт просил за нее три тысячи, но она стоит значительно дороже.

— Вы читали воспоминания Крымского, следовательно, знаете о происхождении сонлики.

— Ну и что? — оскорбленно вскричал Смижанский. — Неужели я должен был отказаться от покупки только потому, что сонлика когда-то принадлежала человеку, которого никто не в мяншил? Генрих не знал, что возразить, но в нем повисло жгальное напряжение на Смижанского страшу.

— Не знаю, известно ли вам, что этот гитлеровский преступник жив и спекулирует награбленным имуществом.

— Чепуха! Быть не может!

— Однако это так! — удовлетворенно заметил Генрих. И добавил, чтобы еще сильнее изгадуть Смижанского: — Мне не хватает лишь одной важной детали, чтобы назвать имя убийцы. Я уже знаю фамилию человека, прошедшего через реинвентаризацию во время ликвидации гатто. Преступник сидит на сыном-подсудимых, а ваша сонлика будет одним из вещественных доказательств. Тогда специализат установит ее подлинную ценность. Государство, конечно, вернет вам ваши три с половиной тысячи, а сонлику будет передана в музей.

— Это грабеж! — крикнул Смижанский.

— Разве только.

— Разве только вы попытаете поймают преступника? Или вы можете оставить сонлику Смижанский встал.

— Что вы от меня хотите? — спросил Генрих.

Генрих положил троусь на колени, вынул сигарету.

— Вы интересуетесь старинной, знакомы со многими коллекционерами и торговцами. Не известно ли вам, где можно приобрести исключительно через посредника?

Смижанский снова поглаживая ласику.

— Смижанский, вы можете говорить. Но это — очень ответственное дело.

Генрих начал троусь на колени, вынул сигарету.

— Замать — значит обманить его? — воскликнула Розана.

— Если он невинно, ему ничего не сделают.

— О, невинность! — понажал лодию Смижанский. — Сопровождаемая с мянщина! Иногда не доставляет особой радости.

— Вы не забыли Бутылко. Она хранится в тайне имя этого типа. Может быть, поэтому-то и не убил.

— Вы не знаю, о ком думала ланя Бутылко, но ведь вполне возможно, что жаной-нибул отпрыск аристократического рода сократил себя фамили-

ных драгоценностей и теперь немногочисленно распространяет их.

Меня интересует только человек, продающий предметы, отобранные гитлеровцами у жителей Лодзи. Обещано, что сведения, полученные от вас, не станут известны милиции. Я постараюсь сам проанализировать создавшееся положение и поступить так, как подскажет мне совесть.

Склянзинский насторожился.

— Я поступил не совсем порядочно, но я укажу вам этого человека.

— Где он живет, как его фамилия?

Склянзинский взглянул на часы.

— Сейчас половина третьего. В три идет автобус. Вы должны доехать до остановки «Зернохранилища».

— Я знаю, где это.

— Потом пешим пройдете до леса и там свернете налево. Увидите маленькую деревушку. Там отыщите домик лесничего. В соседнем доме живет тот человек, о котором я говорю. Я знаю, как его зовут, но вы узнаете его. Это маленький серокапкатын мужчина без двух передних зубов. Имя, что не могу вас подсказать на своей памяти.

— Вы не продал? — повторилась Генрик.

— Нет еще. Она в ремонте. Должна быть сегодня готова.

— Я еду автобусом, — сказал Генрик.

— А я зайлгу в ремонтную мастерскую. Если машина готова, я вас догоню.

Он потрогал трость Генрика.

— Она красивая! На улице, наверное, на вас обращают внимание: молодой человек со старомодной тростью.

— Эта трость — секретом, — усмехнулся Генрик. Он оглядел комнату Склянзинского. — Вы холостяк или вдова?

— Я жил с одной женщиной, но она бросила меня.

Генрик вышел на улицу, прошел мимо рынка и очутился на остановке автобуса. Неожиданно нос и носу столкнулся с Розанной. От слезы у него потемнело в глазах.

— Сидишь за мной, да?

— Мне было интересно, принял ли ты приглашение Юлии. Что, она придет сюда?

— Не говори глупостей, Розанна. Если бы я захотел принять приглашение Юлии, я сделал бы это еще в редакции.

— А зачем ты сюда приехал? Почему ты не захотел здесь денег быть со мной?

— Я иду убийцу. Разве ты не понимаешь?

— В этой дуре?

— Сейчас же садись в автобус и отправляйся в Лодзь.

— Знаю. Юлия все-таки придет сюда?

— Он повернулся и зашагал прочь. Но Розанна догнала его и взяла под руку.

— Генрик! Если ты не договаривался с Юлией, почему ты хочешь отделаться от меня? Ведь я могу помочь в твоих поисках.

Генрик остановился. Он решил сказать ей всю правду, как бы неприятна она ни была.

— Мы приближаемся и разведем этих трех, а может быть, четверых убийств. Гибель Облионского убьедна меня, что преступник пойдет на это. Я должен быть осторожным. Ведь в том, что гибнут люди, с которыми я живу в момент, есть что-то подстрительное.

— Ты бонился за меня? — тихо спросила она.

— Убийца знает о нашем месте, точно рядом со мной находится его информатор.

Понимаю. — Она стиснула зубы.

— Ты прекрасно знаешь, что с некоторых пор я не верю ни одному человеку. Представление не имею, кто ты, кто ты... Ты пытаешься уверить меня, будто в сумочке не было пистолета, хотя я видел его своими глазами. Я нево правое доверять тебе и не хочу, чтобы ты была в курсе моих дел. Я должен быть осторожен, ведь я не знаю, как выйдут убийца. Не знаю, когда и где он нанесет свой удар. В одном я уверен: на очереди я.

— Ты идешь — кринула она. — Дурачок, это... убийца Ринерта, Бутылко и Кобылинского?!

— Возвращаясь в Лодзь!

— Нет! Ни за что! А почему она ногой. — Посудь за тобой! Как ты! Ни на шаг не отступь, иривается тебе это или нет. Понавал!

Он взглянул на часы. До отправления автобуса оставалось десять минут.

13 ИЮНЯ, вечер

Генрик думал, что ему удастся незаметно выскользнуть из автобуса, потому что крестьянки с мешками закрывали его от Розанны. Там оно и вышло, но Розанна оказалась настолько бесцеремонной, что остановила тронувшийся автобус. Они были один на пустом шоссе. Слева виднелась громадная здание зернохранилища, справа темнел лес. Генрик медленно двинулся в сторону темнейшего вдалеке леса. Зверь на Розанну улеглась. Он понимал: все, что он ей наговорил, было сплошной ерундой, «д» не очевидно наблюдаемым, — подумал он, — раз не заметил, что Розанна приехала со мной. Они дошли до леса, когда он догнал Склянзинский в темно-зеленой «шеренге».

— Это уже вторая женщина «шеренге» сегодня, — подумалось Генрику. Склянзинский остановился у обочины дороги и распластал двара.

— Садитесь, — пригласил он. — Я вас поведу. Генрик усеялся рядом со Склянзинским. Он хотел быть как-нибудь дваром.

— Без меня ты не поедешь, Генрик, — сказала она, тоном не терпящим возражения.

Склянзинский расхохотался.

— Мы поссорились, — объяснил Генрик. Розанна все ждала.

— Ваше общество сделает поездку гораздо приятнее, — галантно проговорил Склянзинский.

— Не для себя, — возразила Розанна.

— Не для всех, — подтвердил Генрик. Машина тронулась, Склянзинский вел осторожно, стараясь не застрять в одной из многочисленных луж.

— Вы тоже выслушайте преступника! — обратился он и Розанне.

— Нет! — отрезала она. — У меня нет таланта слышать.

— Зато у тебя много других способностей, — не принимал верушки Генрик. — Ты умеешь шпионить, маскироваться, заматывать следы, мистифицировать.

Склянзинский обжегал громадную луму и обратился и Генрику:

— А почему, собственно, вы занялись розыском в нашей стране — это же анахронизм.

— Я не иду убийцу, — ответил Генрик, — и никогда не собираюсь отбивать хлеб у милиции. Просто я хочу узнать историю моей труппы.

— Милиция уже известно, как погиб Облионский?

— Это было известно с самого начала. Облионский напал на след убийцы, и тот решил его

Рисунок Г. НОВИКОВА

устранить. Кто знает? — рассуждал вслух Генрих. — не были ли вы последним человеком, с которым разговаривал Кобылинский до встречи с убийцей. А может быть, он погги из-за вас.

— К-ка жена?!

— Я не хотел сказать ничего плохого. В разговоре с Кобылинским вы могли упомянуть канонизбид или инотор и заставлю его отправиться к убийце.

— Милочка задавала мне такой же вопрос, но наша беседа наслася только значенной солинии. Перед нами была огромная пучка. По обеим сторонам от нее росли деревья, объясняя которые было невозможно. Сидящийся ралочная машину и вышел в самую середину пучки, разрыгивала грязь во все стороны. Инстор взревел и заглох. — Отравитероваи назывался! — Сидящийся махнул рукой, вышел из машины, принялся илаться в моторе.

— Провод отпался.

— Молодые люди вылезли следом за ним. Розанна взглянула через плечо Сидящегося.

— Действительно, отпался.

— Сидящийся тешно пытался завести мотор. Вид у него был явно расстроенный.

— Ресурсы тоже не к черту... Делать нечего, придется одному из вас отправиться в деревню и попросить у кузнеца паяльника. А я тем временем подниму машину домкратом и постараюсь испривить ресурсы.

— Я пойду! — вылезла Генрих.

— Пойдем вместе, — отрывисто бросила Розанна. Не успели пройти и двадцать шагов, как услышали подину машину домкратом и постараясь испривить ресурсы.

— Придется тебе ехать одной, — сказал Генрих. Она кивнула и пошла по дороге.

— Будь осторожна, Розанна! — крикнул Генрих ей вслед. — Как бы убийца не напал на тебя! Девушка улыбулоса ему, помахала рукой. Через минуту она исчезла за поворотом дороги. Генрих подошел к машине. Сидящийся тяжело дышал и утирал пот с лица.

В ту же секунду Генрих сообразил, что перед ним. Он понял, что ему грозит смерть и спасения ждать нестудя. Сидящийся замаскировался, готовясь нанести смертельный удар. Генрих беспомно прирнул рукой руками.

Ухуа за спиной Сидящегося тихо зашавестили. Прозвучал выстрел. Один, другой! Пасыпалось разбитое стекло. Сидящийся что-то крикнул. Крик штык и полая руи. На дороге выскелала Розанна. Пистолет ее был направлен прямо в голову Сидящегося.

— Вас у нас сошла, уверите оружи! Спасите! — кринул Сидящийся. — Караул! Меня убивают! — Он вопиял так, пока Генрих не положил ему руку на плечо.

— Спокойно, Шуллер, — произнес журналист. — Это вы хотели меня убить. Стойте спокойно и закройте глотку. Никто вас не трогает. Вы состо адания вас в милицию.

— Еще один сувашедший! Карш Шуллер? Откуда? Я никого не хотел убивать! Что вам от меня нужно?

Генрих не обращал внимания на его слова. Он поднял с земли штык и велел Сидящемуся сесть на траву, руками отстоялся от него стоиая в нескольких шагах от Сидящегося. Преступник не мог.

— Теперь мы можем спокойно поговорить, Шуллер, — сказал Генрих, закурив сигарету. — Начнем с того, что вы хотели убить меня мое собственную тростью.

— Напрасно! Никого я не хотел убивать! — По лицу Сидящегося матились иржные капли пота. — Просто меня заинтересовала тросточка. Прости. Я не хотел вас напугать. Мне показалось, будто вы нажимаете не на ту педаль, и я отарил вверх, совсем забыв, что у меня в руке штык... Я понимаю, вы могли подумать бог знает что...

— Ладно, ладно, Шуллер. Таме штык не хорошо знаеи, — ирничски заметил Генрих. — Если вы не Розанна, меня некуда учест Кобылинского. Где вы его увидели? Здесь или в другом месте?

— Что за врнуду вы говорите!

В разговоре авшалася Розанна: — Я тоже подозревала, что теперь очередь Генриха, и поэтому не отстоялся от него ни шага. Вы сделали так, чтобы один из нас умер. Убить сразу двоих вы конечно не могли...

— Боже, какой взор!

— Я сделала вид, будто иду в деревню, а сама вернулась и следил за вами. Когда я заметила, как вы вытаскили штык из трости, я выстрелила, чтобы напугать вас.

Сидящийся вытер пот со лба.

— Мне кажется, я все понял, — проговорил он, слегка улыбулоса. — Вы оба боитесь, что один из вас падет от руи преступника. Невыи у вас направлены до прасла. Когда я вытаскил штык, и подошел к пазу редактору, вы восприняли это как попытку убийства... Он усмехнулся продолжил: — Давайте починим машину и отправимся ко мне.

— Нет! Пренде чем ехать к вам, пан Шуллер, — начал Генрих.

— Мои фамилии Сидящийся.

— Шуллер, — повторил Генрих.

— Сидящийся начал крикнуть тот.

— Ладно, пусть будет по-вашему. А пока послушайте, пан Сидящийся, одну историю крымляного характера.

— Если это не отнимет много времени...

— Во время войны задержали и грабежиам прославились эсэсовец Шуллер, немец польского происхождения. Красная Армия наступала так стремительно, что он не успел убежать и в своем набитом добром укривлся в Бивензач. Он изменил свою внешность и превратился в Сидящегося. Годы шли, и Шуллер-Сидящийся...

— Я не Шуллер! — кринул Сидящийся.

— поучувствовав себе в безопасности и начал потихоньку распродовать набранный добро. Он начал себе поспоривков — Бутылло и Рингерта. Шуллер не знал, что доктор Крымлянский написал воспоминания. Отрывок из мемуаров попал на глаза Бутылло и Шуллеру. Они узнали, что солонка и сербский нон, проданные Рингерту, стои больше денег. Несколько раз Шуллер продан через Рингерта палсаидную тросточку, с которой он накарто разгваривало сего тросточку купил один журналист. Она заинтересовала журналиста, и он решил выяснить ее историю. Отправился нагнать Рингерту. Как раз в тот же магистра хоронили. В это время в квартире покойного журналиста жила сербская женщина и золоченую солонку. Найти их было невозможно: она бежала в Бутылло, пригласив журналиста войти: в алруг он оманется покупателем нонка или солонки! Услышав, что речь идет о палсаидной тросточке, он выпроводил гостя. Узнав от Бутылло о визите журналиста, немедленно оспарив историю тросточки. Бутылло почувствовала себя в опасности и в тот же день под маской режиссера неизвестно по какому адресу пису и предложил продать тросточку. Тот отказался, при этом он подчеркнул, что его очень интересует история трости и имена ее бывших владельцев.

От страхи Шуллер потерял голову. А когда на следующий день Бутылло рассказал Шуллеру, что ему заежал журналист, интересовавшийся историей трости, тот перепугался еще больше. Ему потребовалось Шуллеру отвлечь на два вопроса. Во-первых: почему он должен молчать о судьбе тросточки? Во-вторых: почему он бышеи в лесу, а не в Бутылло, Сидящийся похотелось от него, оказавшись позидительного происхождения?

— Дел с чего вы взяли, что он имеет отношение к этим преступлениям?!

— Если и он ни при чем, я буду продолжать поиски, пока не найду убийцу.

— Ну ладно, — вздохнул Сидящийся, — пора начинать это все. Садитесь в машину и нажмите на педаль, а я заглану в мотор.

Генрих заел в машину и нажал на педаль. Вылезало он поднял голову и увидел Сидящегося со штыком в руке.

СОПЕРНИЦА Д'АРТАНЬЯНА

Виталий ГУЗИКОВ

Фото В. САККА

*— НУ ЧТО ЖЕ, БОИ
ТАК БОИ! — ВОС-
КЛИКНУЛ ДАР-
ТАНЬЯН, И ГЛАЗА
ЕГО ЗАСВЕРКАЛИ.*

А. Дюма

Представьте себе современнейший фехтовальный турнир, ну, скажем, женское первенство мира. На дорожке, напротив одной из знаменитых спортсменок, застыл в традиционном саюте сам непобедимый гасконец, ставший с легкой руки старика Дюма символом искусного фехтовальщика. Как, по-вашему, кто кого?

Конечно, прогноз в спорте — штука весьма и весьма рискованная, но я берусь предсказать исход этого фантастического поединка. С одним только обязательным условием: сражаться с самим д'Артаньяном должна сама Галина Горюхова. В этом случае я ни сколько не боюсь за свою репутацию: поражение «мастера спорта из Гасконии» неминуемо. Скажу я и попробую вам это доказать.

Перефразировав популярное изречение Льва Толстого, можно сказать, что биографии большинства известных спортсменов похожи

одна на другую. В каждой из них обязательно должен присутствовать элемент случайя, удачи. Недаром же говорят: везет всегда сильнее. Про Галю Горохову этого не скажешь: она удивительное исключение из правил, как говорится, «убежденная неудачница». Посудите сами. После сенсационного дебюта на чемпионате мира 1959 года (серебряная медаль) все предсказывали Гороховой «золото». Будущее, а она в Риме на Олимпиаде даже в тройку призеров не пробилась. 1962 год, первенство мира,— серебро, 1964 год, Олимпиада в Токио,— опять серебро... И ходить бы Гале вечным кандидатом в чемпионы, если бы не ее характер, сплавленный из тех же драгоценных черт, что и у д'Артаньяна,— оптимизма и мужества. История, случившаяся с ней на недавнем первенстве мира в Париже,— лучшее тому свидетельство.

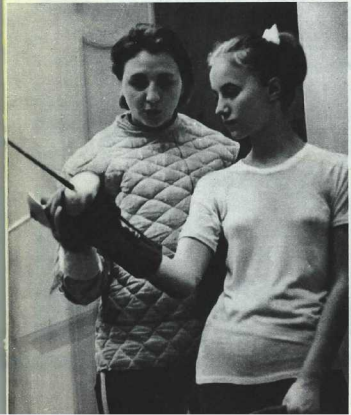
«Галина Горохова (Советский Союз)— Ольга Сабо (Румыния)...» Сообщение диктора тонет в аплодисментах парижан, тоних ценителей фехтовального искусства. Участники полуфинального боя выходят на дорожку. Вметнулись заворот рапиры, опущены маски, и в притихшем зале «раздается звон мечей».

Первая атака, первый укол. «1:0. Ведет Горохова» — бесстрастно объявляет диктор. Темпераментная румынка не любит долгов. Ответный выпад. Горохова без труда отражает его. Рапира Сабо расскла воздух и вонзилась в незащищенную кисть левой руки Гороховой. Редчайший случай в истории фехтования! Бой пришлось остановить. Минут двадцать тут же, в

зале, под нацеленными дулами фотоаппаратов, врач-француз накладывал швы. Все ждали, когда же она вскрикнет, заплачет от боли: ведь операция шла без наркоза. А Гале было все равно, она думала о другом: «Ольге я, наверно, сейчас проигрую, но еще не все потеряно. Придется переходить в «утешительную» группу и начинать сначала». Она с истинно мужеством извещением поблагословила киурга, улыбнулась одними глазами своему тренеру Ивану Ильичу Мананко, показывая, что все в порядке, и под овацию зрителей вернулась на дорожку.

Все было тем, как должно быть. Горохова проиграла Сабо и отправилась «утешиться». Правила «утешительного» турнира строги: если ты считаешь, что проиграл случайно,— выигрывай. Побеждай во всех боях подряд, сколько бы их ни было. И тогда тебе открывается прямая дорога в финал — «утешенная», доступное лишь сильнейшим, случайностей здесь не бывает.

Горохова выиграла пять дополнительных боев один за другим. Теперь ее снова ждет Сабо. Я не буду пересказывать ход этой схватки. Сабо, очевидно, подавленная стойкостью и мужеством своей извечной соперницы, была просто неузнаваема и проиграла, как говорится, по всем статьям. А Галина Горохова стала чемпионкой мира, несмотря на «производственную травму» (а может быть, благодаря ей — все зависит от точки зрения). — Если считать, что «благодаря», то тогда это и будет тот самый случай, без которого не обходится ни одна биография известного спортсмена.

Режиссер фильма «Гвардии капитан» Лариса Шепитко.

«ГВАРДИИ КАПИТАН»

Идея о съемках нового фильма

В полуоткрытой просторной комнате трое... Всеюло вспоминают новенький «чарит». Улыбки смистыа стени. Через балкон в комнату заглядывают ветки старого дуба.

Трое беседуют... Должно кто-то внятно доложить из ниша. Иные они разоблачили бы стопки минт, забранных в угол. Убрали бы из место махитом. Наконец, отнесли бы в кухню настрели и чайник... А они — никого не внимают. Устроились на широчай, повороты принае пласам так и разговаривают. Смяются, перебивают друг друга, а иногда несомненно умолкают, задумываясь о чем-то своем.

Худенькую седешую женщину в старомодном жемете зовут Надежда Степановна Гуркина. Еще и еще раз встречается она в лицо человеку, которого сегодня видит первый раз в жизни — в лицо мужу своей дочери, Тани (антриса Иманна Вологтова). А Игорь, опуская глаза, пытается спрятать волнение, невольно шутит и впадает в резини, как приду, вопреки Надежде Степановне, все время отвечает ей...

Вторая женщина подруги молчит. Иногда хмурится, иногда улыбается, иногда довольно нявчат. Словом, по лицу ее можно угадать все, о чем говорит двое других. И как они говорят! Но когда наступают паузы, она влиственно берет нить разговора в свои руки.

— Режиссер Лариса Шепитко планирует одну из сцен будущего фильма «Гвардии капитан» по сценарию Валентина Емова и Натальи Галанцовой.

Сурово и четко название этого фильма. Но не о войне напомнит оно. Войну мы увидели лишь дважды в коротких эпизодах-воспоминаниях. Это сироп рассказ о трагичной судьбе тех, кто победил, вернувшись домой и переняв весте со своей страной тяжелейшие последствия войны.

Кавалер орденов и медалей, чей портрет висит в гордом музее, депутат, директор стройкомбината — как будто сложилась низшая гвардия капитана Петуховой Водушки, как будто авторитет, уважение. Выбирают и президиуму. И несутся вперед. Приглашают в юрки. И шлепает Петухина по мизини своей мужской походкой, отдают распоряжения, подмигивают приказы, разговаривает дома громким, как собрание, голосом.

А жизнью переменялась... Потелелая, подобрая. И не хочет больше поворачивать приказы Надежда Степановна. Она не замечает, что реальность ее обреченная грубостью, прихотью — приклонностью, уверенностью — самонадеянностью.

Его и сейчас разговаривает она с Игорем, мужем Тани, так, словно заплетает занеку в отделе кадров.

Режиссер и антеры (Надежда Степановна играет Майн Вулганова, Игорь — Владимир Горелов) уже не решились в «нушки» (игрочем, казачини не к чему — все в этой игре по правила. Даже вода идет из крана). Здесь должен произойти типичный разговор.

За оном кухни вспыхивает дневной голубоватый свет. Надежда Степановна решительно спрашивает за кухонным порогом:

— Сколько вам лет? — спрашивает она.

Игорь отвечает.

— Сидитесь, — командует Петухина.

— Выли немать? — Бил.

— А что речет, нет, скорее, рубит нож том?

— А режиссер?

— Развелся.

— Давно?

— Воистину вопрос. Наверно, только так и можно сыграть этот эпизод. Но Майн Вулганова едет в своем героне по современному, лучшему, что не дает зачеркнуть ее душе. Она реально воспринимается, признаывает. Она беспринципна. Все так. Но ведь была когда-то тоненькая девочка Надя, курсанта аэроплана, что ушла воевать в первые дни войны. Была отчаянная летчица, лейтенант гвардейского полка Надежда Петухова, первая в свое время первая и единственную любовь. Была...

Иногда бьет, поговору в глазах актрисы столько тоски, растерянности. И руки ее нервно черебт неробкой от торта. И сжимаются глаза, когда Игорь говорит «так. Далеко просит Тани, а выли немать...»

А пока Петухина оплет лентостерей. И снова как лет?

Кажется, уже шестой раз. Это восторг, это желание видеть: сияют светские дубки...

Ф. И. ГИЛДИНА
З. А. ЛЫШЕВА

ДОМИК В ДРУСКИНИНКАЙ

В тихом литовском городке Друскиенинай недавно открылось второй домик мемориального музея Микалоюса Константайтиса Чюркиса. Ветчи должны были рассказать о Чюркисе-композиторе так же, как в первом домике — в Каунасе — они уже два года рассказывали о Чюркисе-художнике.

В юбилейные дни посвящения девятилетия со дня рождения великого литовца, но только открывались второй домик его музея, а для многих — и сам Чюркис.

Чюркисе был композитором и художником. Он, как говорили о нем его современники, «...лился песни своею кистью». Это так — по сути и по форме. Ведь на три его картины часто назывались так: «Соната солнца», «Анастасия», «Соната моря».

Плещеный талант Чюркиса. Ромы Роланд писали: «Трудно выразить, как изволнован я этим замечательным искусством, которое обогатило не только литовцев, но и расширило наш кругозор в области поэзии, фантастики и музыки и музыкальной ритмики. Каким изобретениям было бы развитие такого содержательного искусства в земной широкой прострости, монументальных красок, этого художественного ноншанта». Христосфором Козлумом было это же замечание.

Теперь Чюркису у себя на родине все больше становится известным народу. Потому так тесно от людей в маленьком доврине и в комнатах музея. Лидет Друскиенинай молодой юноша Ионас Поляйтис, который пришел на художество откутяти, говоря мама.

И очень любил его творчество и создавание события — это будто подарок, сделанный лично человеку. Чюркиса постепенно дустует. Я подожку и сейчас Чюркиса Валерию Чюркиса-Баргуса.

— Брат, — рассказывает Валерию Чюркиса, — был самым старшим среди нас, девяти детей. И не только по возрасту, но и духом. Мы ссорились на него, как на второго отца. Родительский он большею часть времени жил вне дома. Его вхожа сюда, по родильский घर, были праздничными дни свадьбы. Его вхожа сюда, по традиции сначала играл мари, посвященный прибытию. Потом «здоровался, отыскал сошную женщину с подарками и развлекал их. Было много дустов, веселья.

Чюркисе умилел и в некоторые время своего детства в школу, словно вглядывался в прошлое.

— Но когда он садился писать картину, не выходил из комнаты, пока не кончат ее — проломлет она. Ниного не нисудил к себе. Мама подавала ему через окно. Только мне разрешалось входить и немю — а мыла его кисти.

Семья наша была очень музыкальной. Уезжая, брат давал намую музыкальную задачу, а потом спрашивал ее. — Она показывала на одну из стен комнаты. — Вот здесь висит описание музыкальных занятий семьи. В комнате, где мы находимся, сделана попытка воссоздать обстановку комнаты XIX — начала XX века... В другой комнате — фотографии его музыкальных произведений.

Надо сказать, что планировка дома не полностью соответствует истинной. Ведь все было равноушено немецкими оккупантами. Я очень хорошо помню, что в то время в годы Советской власти уделяется должное внимание творчеству Чюркиса: в студенном году знамачивается строительство его картинной галереи, сейчас создается документальный фильм о Чюркисе — художнике, музыканте, критике, общественном деятеле.

— На музея я вышел вместе с его старшим научным сотрудником, молодым художником Альфредом Недзельским. Мы долго бродили по улицам. Мы говорили, что хорошо бы соорудить все полотно художника и приложить к нему экспозицию в Каунасе и музея; что будет очень здорово, если сделать альбом высочайшего качества репродукций картин — тогда и в Вильнюсе и на Калмачте человек сможет увидеть колоссальную работу, созданную Чюркисом; что крупнейшие филармонические страны должны включить его музыку в программу своих концертов; что совершенно необходимо благоустроить территорию вокруг музея — снести старые строения и отстроить над на лесные деля и создать любимые художником, и покаяние и импозантные здания Чюркиса, устремленного и этим далам.

Ю. КАМЕНСКИЙ

На снимках:

Комната в доме Чюркиса.

Сопрано из Эквадора

Текст и фото А. ЛЕССА

Бетрис Парра — молодая певица из Эквадора. Пять лет назад она поступила в Московскую консерваторию и в этом году окончает ее по классу Пими Леоновича Дорласа.

На вечер старинной музыки для классики, состоявшейся в концертном зале Института имени Гнесиных, на долю Бетрис Парра выпала заслуженный успех. Это была ее первый сольный концерт в Москве. В концерте принимала участие известная колумбийская пианистка и классиканка Андрей Волконский. Она исполнила произведения колумбийского великого прошлого: Буаля, Барда, Эттея, Кабсона, Писадора, Фрескобайды, — а также великих венских классиков: Гайдна, Моцарта и Орфена.

У Бетрис красивое, легкое, ровное сопрано, голос она выразительно, легко преодолевая технические трудности. На Международной конкурсной выставке в Турине певица завоевала звание лауреата, а сейчас готовится к конкурсу имени Чайковского. В июле 1966 года Бетрис Парра с дипломом Московской консерватории уедет на родину.

Дореволюционные критики были убеждены, что замечательный русский писатель Д. Н. Маврин-Сибиряк пришел в детскую литературу только потому, что у него была выросшая без матери и титанолюбивая дочь Елена. Но этим не ограничиваются воспоминаниями современных писателей В. Ганинских и С. Елатовских.

Взгляды этот глубоко неверны. Объявляется он недостаточным знанием дореволюционных литературоведов и критиков творчества писателя. Д. Н. Маврин-Сибиряк начал писать для детей еще в 80-е годы, почти за десять лет до рождения дочери. Рассказы писателя печатались в «Иллюстрированном журнале для детей старшего возраста» (1882 г.) в «Иллюстрациях» и «Детской одежде» (1882—1883 гг.). Тем не менее факт остается фактом, что один из циклов своих сказок Дмитрий Нарисович Маврин-Сибиряк назвал «Аленушкиными сказками».

Как это произошло? Почему сказки были названы «Аленушкиными»? Жена Д. Н. Маврина-Сибиряка — талантливая драматическая актриса Мария Морисовна Абрамова — умерла от тифозных родов. А ребенка утратила сласто. Но у девочки была при родах повреждена голова. Далеко нельзя было даже определить, как поведет физическое и умственное развитие девочки. Сам отец сначала сомневался в нормальности ее, сомневался, помнит ли девочка рассказываемые ей сказки:

«Одни глаза у Аленушки спит, другой — смотрит, одно ушко у Аленушки спит, другое — слышит» («Аленушкины сказки»).

Сказано это про саву Аленушку. Так и променяла носом свою недолгую жизнь Аленушка. Физический недуг отставил ее от жизни, а богатые природные способности, незаурядность любознательности, застенчивость и орудумачество, Маленькой девочке отец рассказывал сказки, названные им «Аленушкиными сказками».

А потом Аленушка многое видела, много знала, много читала... Она умела излагать в звучных стихах свои впечатления. Некоторые ее стихи даже появились в печати. Ее различные пальцы недурно рисовали и награвировали на ролик различные мелодии. Но титан был ее недуг. Если бы не постоянное присутствие и чисто материнское и ней отношение второй жены писателя, то Аленушка, вероятно, не дожила бы и до двадцати лет.

«АЛЕНУШКИНЫ СКАЗКИ»

Сномчалась девушка в начале сентября 1914 года в Петербурге на 23-м году жизни.

Умерла Аленушка, да остались народу посвященные ей чудесные, поточеские сказки для детей. Они были любимыми детищем писателя. Впрочем «Аленушкины сказки» были опубликованы в 1897 году отдельным изданием. В одном из писем Маврин-Сибиряк писал: «Этот мой любимый ребенок — ее писала сама любовь, и поэтому она переживает все остальное».

Десять раз издавались «Аленушкины сказки» в Советском Союзе на русском языке и языках других народов. Сказки широко известны за границей. Они переведены на польский, чешский, болгарский, венгерский, румынский, испанский, французский, английский, немецкий, шведский и другие языки.

Ватман МАРТВЕЛШВИЛИ

ПАРОДИИ ЮРИ ШАНИН

Четверть сказки

(Феликс Кривин)

1. ПОМИДОР-ТУНЕЦЕЦ

— Эх, забурела ты, братец! — удивительно говорит Бурюк Помидору другие овощи. — Забурела, а не краснела! Хотя давно пора. Ай-ай-ай!

— Но летний дачный вид, что это намешало на что отороп.

Родители Бурюго — добросовестные Красные Помидоры — уверяли, что не наедятся собственным: а их роду всегда умели своевременно подкачивать.

— И расщеплялись за это окоп дорожки, хотя сами стоили дешевой — нахально огульвали Бурюк. Ех не считали, что другим приходится краснеть за него. Хотя краснели не только Помидоры.

2. ОДУХОВТОРЕЦ

Ну до чего же опустился Шторал!

Будет фрозлот посудой постоянно.

Дверь по ночам страдает от Шторала.

А Пянино удребеит пивалю.

Ком Теста разбивается в лепешку.

Чтоб лечь Лешейкой олею на Валюде.

В процессе сотворения помидочку

Все кривинские Веши

вышли в люди.

3. ПРОБЛЕМА ТАКТА

Костер горел на работе. Горел, пламенно любя свое дело. И вдруг у него подкатил в собственном автомобиле Четырестактный Двигатель Внутреннего Сгорания. Да еще и Шестипятицилиндровый. Ну надо придумать для приваждения им одного из великих Цингаров, он обаял Костер в беспринципности и извращенной испрохности. Мол, тот не только изобрел мотор Ветер Дует, но и срисовал Искры на этот самый Ветер. Не соблюдая режима, не экономил.

Однако на общем собра-

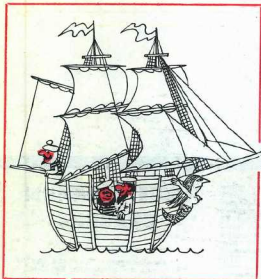
нии Вехх Орудумачищих Предметов было решено, что Двигатель должен быть безвредным. Хот и был Четырестактным. Отметили и неоправданную аспальтичность. Автомобиль (который основательно нахальнул) болел по леку, хотел осудить и подвергнувшись титану Двигатель на его тремолозную запоспичность ком любви трогать себя за пояс прямой средней лапшой). Но передумали.

Впрочем, в пользу поминки сососе набили про Костер, и он окончательное спорел на работе.

Рисунки В. ВЛАНКАМАНА

ПОЛ МИКРОСКОП — ВРЕМЯ

7 МАРТА.

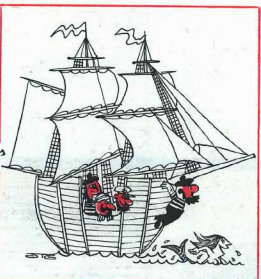

Рисунок О. ТЕСЛЕРА

— ДОРОГАЯ, Я ТЕБЕ КУПИЛ
СТИРАЛЬНУЮ МАШИНУ

Рисунок Р. МУСИХИНОЙ

БЕЗ СЛОВ

Рисунок Р. МУСИХИНОЙ

— А У НАС ЕЩЕ МАТРИАРХАТ...

Рисунок А. НЕКРАСОВА

**ЗАЛОЧНЫЕ
КУРСЫ
УМСТВЕННОЙ
ГИМНАСТИКИ**

**ЗАКРЕПЛЕНИЕ
ПРОЙДЕННОГО**

Расшифруйте
следующие
арифметические
примеры:

$+$	\times	$:$	$+$	$+$	$:$
\times	\times	\times	\times	\times	\times
$+$	$+$	$+$	$+$	$+$	$+$
\times	\times	\times	\times	\times	\times
$+$	$+$	$+$	$+$	$+$	$+$
\times	\times	\times	\times	\times	\times
$+$	$+$	$+$	$+$	$+$	$+$

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Для справок — Д 3-30-87, отдел литературы и искусства — Д 1-32-84; отдел очерна и публицистики — Д 3-31-03; международной жизни — Д 3-31-50; физкультуры и спорта — Д 3-30-97; писем — Д 3-30-47; науки и техники — Д 1-04-10; студенческой молодежи — Д 0-40-98; информации — Д 1-04-10; оформления — Д 0-29-30.

Главный редактор В. И. Самохин.
Редколлегия: К. К. Андреев, В. Н. Ганчев, А. Д. Голубев [заместитель главного редактора], Е. А. Долматовский, К. Н. Замощкин, Р. Ф. Казаков, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, Е. И. Рябчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник].

Рукописи не возвращаются.

Художник-оформитель О. Безухов
Технический редактор Н. Вуджина

А 10534

Тираж 1 000 000

Зыказ № 348

Подписано к печати 1611 1966 г.

Изд. № 354

Формат бумаги 70 x 108%,

2 бум. л.— 5,48 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ОКРОВАНА

Ноторисовано.

Му у ме - ем о - би - деться прос-то, и не
 прос-то проща-ем во-ток. Есть не-ма - ло зага - док для
 взрос-лых, их раз-га - дывать нужно вдвоем. Вдвоем
 - ем, и все сна-ча - ла, и тем, кто любит, верны на всег-
 - да ог-ни вокзала - лов, гудки прича - лов, а в ро-
 - дро - мы и по - езда - да. Ог-ни вокзала - лов, гудки при-
 - ча - лов, а в ро - дро - мы и по - езда - да. 2. Может
 - дро - мы и по - езда - да.

Слова М. ТАНИЧА
 и И. ШАФЕРАНА
 Музыка П. АЕДОНИЦКОГО

Может, линия станет свободной,
 К телефону меня позовут.
 И дежурная с междугородной
 Свяжет нас хоть на пару минут.

Припев.

Почему, мы и сами не знаем,
 С неизменной людской добротой
 Мы плохое легко забываем,
 А хорошее помним с тобой.

Припев: Вдвоем...

И все сначала,
 И тем, кто любит, верны
 навсегда

Огни вокзалов,
 Гудки причалов,
 Аэродромы и поезда.

Припев: Вдвоем...

И все сначала,
 И тем, кто любит, верны
 навсегда

Огни вокзалов,
 Гудки причалов,
 Аэродромы и поезда.

КРОССВОРД

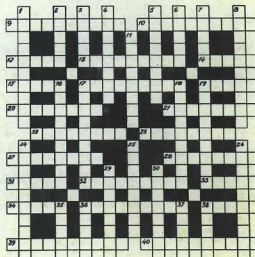
Составил Ф. КОРШУНОВ
 г. Борисов, Минской области.

По горизонтали:

9. Электронный аппарат для записи и воспроизведения звука. 10 и 13. Чемпионы мира по фигурному катанию на льду. 12. Олений мех. 14. Город в Эстонии. 15. Ленинская грамота. 17. Народная артистка СССР. 19. Ленинский советский писатель. 20. Юный сорт яблонь. 21. Автор пьесы «Свадьба с приданым». 22. Столица Австралии. 23. Народный советский разведчик. 27. Лесной голубь. 28. Озеро в Канаде. 31. Танец. 32. Центр угольного бассейна в Казахстане. 33. Порт у входа в Панамский канал. 34. Луговой волк, обитающий в Северной Америке. 36. Внезапная разрушительная катастрофа. 38. Народный художник Белоруссии, скульптор. 39. Американский драматург, выступавший в Советском Союзе. 40. Концертная организация, пропагандирующая музыкальное искусство.

По вертикали:

1. Остров в Индийском океане. 2. Роман Мопссана. 3. Изделие из бересты. 4. Специалист по изготовлению манетов, образцов. 5. Советский графин, лауреат Ленинской премии. 6. Трава, выросшая после урожая. 7. Роман Г. Драйвера. 8. Советский стайер-рекордсмен. 11. Оператор Д. Верды. 16. Овощеводство полное хозяйство. 17. Морская рыба. 18. Персонаж оперы Д. Россини «Севильский цирюльник». 19. Бобовое растение. 24. Прибор для измерения солнечной радиации. 25. Советский писатель-авантюрист. 26. Союзная советская республика. 28. Отличительный признак, мерило. 30. Соединение химического элемента с кислородом. 35. Советский летчик-космонавт. 36. Птица, обитающая в хвойных лесах. 37. Спутник планеты Сатурн. 38. Река в Крыму.

ОТВЕТЫ
 НА
 КРОССВОРД
 НАПЕЧАТАННЫМ В № 4

По горизонтали:

3. Висер. 8. Матлот. 10. Кеенки. 11. Уравнение. 12. Картер. 13. Сянтон. 14. «Славя». 15. Алагир. 17. Полюс. 21. Летос. 23. «Маричья». 24. Кисель. 25. 28. Курчичин. 27. Натюрморты. 29. Гудки. 30. «Соловей». 31. Сюэтт. 34. Орбели. 36. Гидрот. 37. Гудки. 41. Байрут. 42. Севери. 43. Олимпиада. 44. Волосат. 45. Ислудур. 46. Астрт.

По вертикали:

1. Тамара. 2. Плотва. 3. Брамс. 4. Синтаксис. 5. Ронка. 6. Мельхио. 7. «Симона». 9. Турция. 10. Несоис. 16. Литфеттер. 19. Словозуд. 19. Кисель. 20. 28. Курчичин. 21. Летос. 22. Крест. 24. Сирот. 25. Петиг. 28. Сорочкут. 32. Златков. 33. Финская. 34. Оберн. 35. Бердск. 37. Равель. 38. Тирада. 39. Гудки. 40. Агаган.

Первая страница обложки:

Актриса

Театра

имени Ленинского комсомола
 в
 Оглы Язовича.

Ф. К. М. МУРАЗОВА

История одной любви

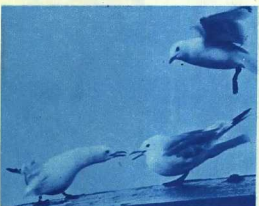
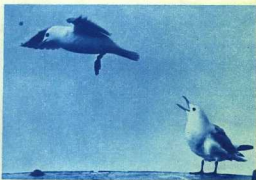

Фото В. САККА

Это маленькая, но грустная история одной любви. Любовь неразделенной...

...Она мало чем отличалась от своих ирландских подружек, долгими часами носившихся над морем. Попробуй разбеги в большой стае, она это или не она. Он заметил ее лишь тогда, когда она попыталась отлететь намного в сторону, дальше, чем делала это раньше. Здесь, вдали от стаи, они впервые и встретились.

Но о чем серьезно можно говорить, когда крылья постоянно рассеивают воздух? Ведь сидеть надо много. Он предположил, где-нибудь неподалеку присесть и первыми очертить большую дугу, увлекая ее за собой. Поблизости проходил теплоход — вряд ли найдешь лучшее место для свидания.

От его ласковых ирландок, обескураженного внимания у нее сладко кружилась голова. Не раз до этого она представляла себе, как произой-

дет ее первая встреча с любимым. Но одно дело — девичьи мечты, другое — сбывается ли они. Рядом с ней был тот, без которого дальнейшая жизнь казалась ей теперь бессмысленной, просто пустой.

На долгих уединение не прошло незаметно. Стая разноголосно загалдела. Особенно усердствовала одна большая старая чайка. Она подлетала к ним настолько близко, что они вдруг стыдливо умолкали. Ей этого показало мало, она назально пошла и влюбленным и стала ругать его. И что, мол, он когда-то дружил с ней, когда они летали и далеконому студеному морю, но потом безжалостно бросил и что у него танки, как эта, хоть праха пруд и что вообще ему не место в здешних просторах...

Старая чайка клеветала. Влюбленная пыталась притупить ее, говорила, что не интересуется грязными сплетнями и не верит ей, за-

вистливой старухе... Но та была неумолима. А он, вместо того чтобы дать отпор спичнице, как-то весь синяк, обмани, стал бесповоночным, жалким...

Улетела старая чайка. Унесла на своих серо-голубых крыльях радость встречи влюбленных. И они долго-долго молчали. Теперь он уж не казался чайке танком, наизя она видела его всего несколько минут назад. Потом и он, сославшись на встречу с друзьями, измыв вывас.

Она осталась одна... Иногда над морем носится одинокая чайка, ей не хочется летать вместе с подружками. Одинок она в своем горе. Присев в горьком, свободный полет. В нем держит выдох тем, что не умеет постоять за себя, за свое счастье...

Танова эта маленькая, но грустная история.

Вл. КАРАВЕВ